

Древности Кубани

Древности Кубани

(вып. 12)

Краснодар
1998

ББК 63.4 (2 РОС37)

Д–74

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П., Фролов Б.Е.

Печатается по решению Ученого Совета Красно —
дарского государственного историко — археологического
музея — заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

© Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

СОДЕРЖАНИЕ

Пьянков А.В. КОМПЛЕКС РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТОВ VIII – IX ВВ. ИЗ ФОНДОВ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ – ЗАПОВЕДНИКА	4
Зеленский Ю.В. ПРЕДМЕТЫ УПРЯЖИ ИЗ ПОЛОВЕЦКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПРИКУБАНЬЯ И ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНЬЯ	10
Волков И.В. О ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОПЫ (КОПАРИО – ЛО КОППА)	14
Фролов Б.Е. ВВЕДЕНИЕ РЕВОЛЬВЕРОВ НА ВООРУЖЕНИЕ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ	42
Бондарь В.В. АРХИТЕКТУРА ЕКАТЕРИНОДАРА – КРАСНОДАРА: СТИЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	44
Корсакова Н.А. ЕКАТЕРИНОДАРСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ И КУБАНСКИЙ ВОЙСКОВОЙ МУЗЕЙ. К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	48

Пьянков А.В.

Ст. науч. сотрудник музея – заповедника

КОМПЛЕКС РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТОВ VIII-IX ВВ. ИЗ ФОНДОВ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

До начала 70-х годов нашего века на территории Краснодарского края было известно лишь два памятника салтово-маяцкого времени с погребениями совершенными по обряду трупосожжения: третья хронологическая группа Борисовского могильника, исследовавшегося В.Саханевым в начале 10-х годов под Геленджиком (18, с. 141-155) и один комплекс VIII-IX вв. из раскопок Н.В.Анфимова на Тахтамухаевском могильнике в конце 50-х годов (1, с. 197).

К настоящему времени за счет интенсивных новостроечных работ этот список пополнился: третьей хронологической группой могильника Дюрсо, погребениями из I Псекупского могильника, погребениями впущенными в насыпь кургана 2 из могильника Общественный II, погребениями из могильников Казазово 2 и Молдавановского (5, с. 54-56; 8, с. 24,25; 3, с. 118,119; 20, с. 65; 21, с. 58,59; 22, с. 76-78). К этому списку следует добавить подъемный материал из разрушенных погребений из окрестностей Анапы*, Абинска и Новороссийска, обнаруженных в разные годы (4, с. 48; 24, с. 248; 15, с. 20-23).

Однако, публикация кремационных погребений значительно отстает от полевых исследований, что затрудняет решение многих проблем связанных с этнической историей Северо-Западного Кавказа. Поэтому введение в научный оборот любых еще неизвестных специалистам материалов, насущная задача кубанской археологии. Ниже предлагается вниманию исследователей один забытый комплекс, хранящийся в фондах Краснодарского музея-заповедника, который имеет явные следы пребывания в огне.

В 1952 г. из Адыгеи в Краснодарский краеведческий музей поступили 10 предметов салтовского времени. Они не были взяты на учет и пролежали в фондах до середины 80-х годов. Позднее этот комплекс был принят на официальное хранение и коллекция получила шифр КМ 9005. В состав комплекса входили:

1. Наконечник железной пики с длинной разомкнутой втулкой, на край обреза которой наварено треугольного сечения кольцо, имеющая узкое треугольное в сечении перо и шестигранную шейку в месте перехода втулки в перо (рис. 1, 3). Размеры: длина нак.- 28,4 см; перо - 12,1 x 2,3 x 1,2 см; d втулки у обреза - 2,4 см.

Бронебойные пики были широко распространены в степях Восточной Европы с VII века (11, с. 168). Пики подобные публикуемой обычны в памятниках салтово-маяцкой культуры (11, рис. 1, 5-12), в том числе и в погребениях с обрядом трупосожжения (см. 6, с. 102,103). Наиболее близкие по деталям пики

краснодарскому экземпляру происходят из кубанских 1 Псекупского, 2 Казазовского и Ново-Вочепшийского могильников (8, таб., XXII, 1; 16, рис. 46, 1,3; 13, рис. 45, 9). Пики с узким пером продолжают бытовать на Западном Кавказе и значительно позже хазарского времени (17, рис. 1, 8).

2. Сабля железная свернутая в несколько раз и поломанная на 3 фрагмента, на пластинчатом черешке два отверстия от заклепок. Первоначальный облик определяется, как слабоизогнутый клинок с треугольным в сечении лезвием, короткий конец обоюдоострый с ромбическим сечением (рис. 1, 5). Размеры: длина клинка - 69,5 см ; ширина клин. - 2,9 см; толщина клинка - 0,7 см ; черешок - 8,6 x 1,7 x 0,5 см.

Подобные клинки характерны для юга Восточной Европы и всех периодов существования Хазарского каганата (10, с. 134). А поломанные и сложенные в несколько раз клинки происходят из кремационных погребений бассейна Северского донца: у с. Тополи, Ново-Покровского, Сухомольшанского и тд. (7, рис. 30, 4, рис. 34, 1; 12, рис. 10, 1; 11, 14), и Северо-Западного Кавказа: Борисовского, Псекупского 1, Казазовского 2 и других (18, с. 143; 8, таб. XXIX, 3; 16, рис. 48, 1,7,8).

Без перекрестия более точно датировать саблю невозможно.

3. Боевой железный топор с овальной проушиной, узким клинком с двумя невысокими боковыми выступами и молоточковидным обушком (рис. 1, 1). Размеры: высота - 19,7 см; ширина лезвия - 7 см; обушок - 6 x 2 x 1,6; d отверстия - 2,2 x 1,7 см.

По классификации А.В.Крыганова топоры с двумя выступами на клинке отнесены к IV типу, который бытовал в Восточной Европе в IX-X вв. (6, с. 104), и встречен в могильниках Верхнесалтовском, Игимском, Стерлитамакском и Красногорском (2, рис. 135; 19, рис. 2, 18; 9, рис. 49, 28; 6, рис. 3, 15, 18).

В Прикубанье топор этого типа происходит из 1 Псекупского (8, таб. XXII, 2).

4. Наконечник железной черешковой трехлопастной стрелы, лопасть которой подтрапцевидной формы, но нижний угол ее закруглен и в области нижнего угла лопасть имеет наибольшее расширение, черешок частично утрачен (рис. 1, 2). Размеры: длина - 4,9 см; головка - 3,1 x 1,6 см ; лопасть - 3 x 1 x 0,1 см.

Это довольно редкий наконечник стрелы для Восточной Европы и Северного Кавказа. Пожалуй наиболее близкая ему аналогия происходит с Алтая из кимакских древностей IX-X вв. (23, рис. 84, группа I, тип 8; рис. 92). Но и эта аналогия не полная, так как лопасть кимакского наконечника имеет наибольшее расширение у верхнего угла.

5. Нож железный с прямой спинкой и треугольным в сечении лезвием, черешок утрачен (рис. 1, 4). Общие размеры: 8,3 x 1,1 x 0,25 см.

Ножи VIII-начала X вв. не являются датирующим материалом, а единичные экземпляры в погребениях не могут быть и этническим определителем.

6. Удила железные двухчастные, асимметричные и двукольчатые из шестигранного в сечении прута с S-видными псалиями, концы которых закан-

чиваются стилизованными головками лошадей, псалии имеют трапецевидные петли (рис. 2, 3). Размеры: длина удила 1) 10,4 см, 2) 9,7 см; d грызель - 1 x 0,9 см; псалии 1) 19,8 x 1,4 x 1 см, 2) 18,5 x 1,4 x 1 см.

Удила с S-видными псалиями являются характерным типом для степных памятников салтово-маяцкой культуры они известны в погребениях Подонья: Ново-Покровский, Сухогомольшанский, у с. Мохнач и у пос. Кочеток (7, рис. 34; 36; 12, рис. 7, 1; 8, 2, 10, 20; 11, 22; 14, 3), в Хусаиновских курганах на Южном Урале (9, рис. 22, 2, 7; 26, 25) и в Закубанских могильниках Псекупском 1 и Молдавановском (8, таб. XXII, 9; 22, рис. 1, 6). Для кремационных погребений Подонья удила с S-видными псалиями со стилизованными головками лошадей являются основным типом (6, с. 107).

По наблюдениям С.А.Плетневой, к концу IX в. удила с гвоздевидными псалиями вытесняют удила с S-видными псалиями (14, с. 166).

7. Наконечник пояса в виде железной плоской удлиненной коробочки, со стороны фигурно обрезанного устья имеются две пары округлых выступов, а противоположная сторона наконечник слегка расширен и закруглен (рис. 2, 4). Размеры: длина без выступов - 3,8 см; ширина - 2,4 см; толщина - 0,6 см.

Коробчатые наконечники поясов, иногда орнаментированные, известны в салтовских древностях и в памятниках Северо-Западного Кавказа: например в комплексе у с. Тополи, в Ново-Покровском, Сухогомольшанском, Пятницком и Казановском 2 могильниках (7, рис. 31, 2; 33, 8; 12, рис. 7, 15; 12, 3; 16, рис. 51, 13).

8. Кресало железное в форме прямоугольной пластины с закругленными углами (рис. 2, 5). Размеры: 6,8 x 2,2 x 0,25 см.

Подобные кресала известны в Закубанских могильниках Псекупском 1 и Казановском 2 (8, таб. XXII, 4; 16, рис. 48, 27). Кресала этого типа трудно определяются, поскольку они часто имеют вид грубоватой пластины с прямыми углами и потому, что в погребениях их не всегда сопровождают кремни. Как в во 2 кургане Муракаевского могильника на Южном Урале, где у пояса погребенного находились две грубые прямоугольные пластинки и отсутствовал кремешек (9, рис. 69, 3).

9. Фрагмент красноглиняного кружального сосуда, придонная часть, на изломе трехслойный: красный - серый - красный (рис. 2, 1), отошительшамот. Размеры: 5,4 x 4,8 x 1,1 см.

10. Фрагмент сероглиняного кружального сосуда часть дна и придонной части (кувшинчик?), дно вогнуто, на тулове фронт горизонтального желобка, черепок изнутри имеет красный ангоб, отошитель - шамот (рис. 2, 2). Размеры: 5 x 3,5 x 0,6 см.

Нет сомнения, что описанные вещи происходят из одного погребения или из одного ритуального тайничка, какие известны на салтовских могильниках. Исключение составляют лишь фронты керамических сосудов, которые могут происходить из засыпки ямы.

Наличие окалина на всех железных предметах и намеренная поломка сабли позволяют нам связывать этот комплекс с кремационным погребаль-

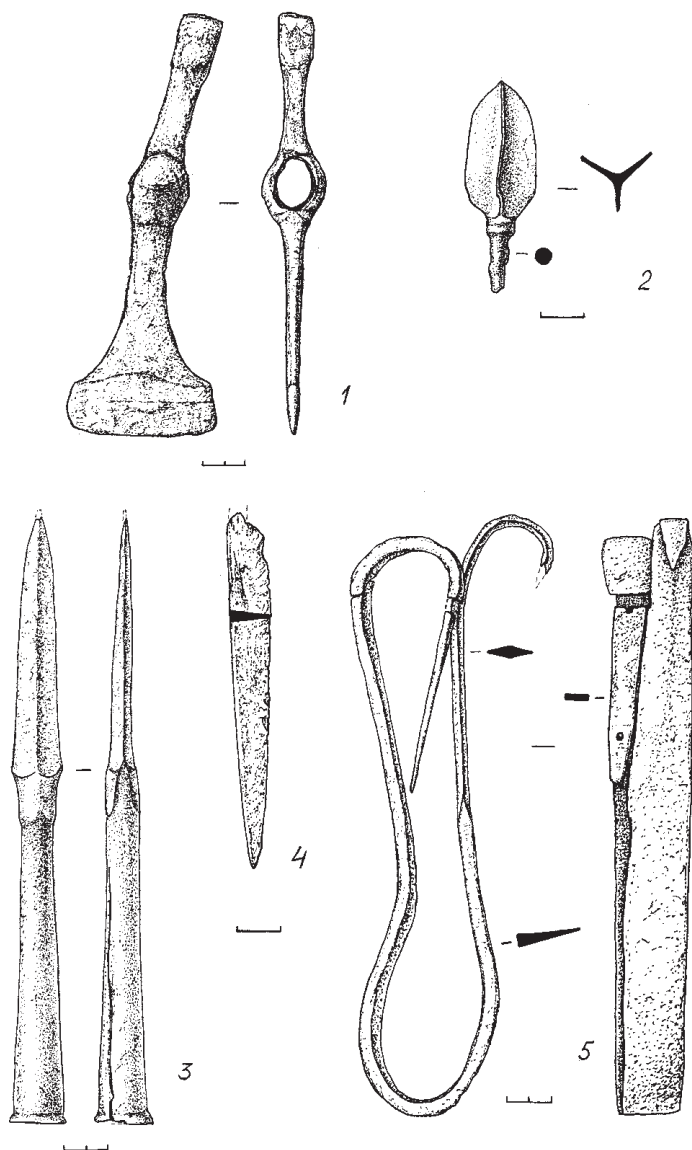

Рис. 1 к статье Пьянков А.В. КОМПЛЕКС РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТОВ VIII-IX ВВ. ИЗ ФОНДОВ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

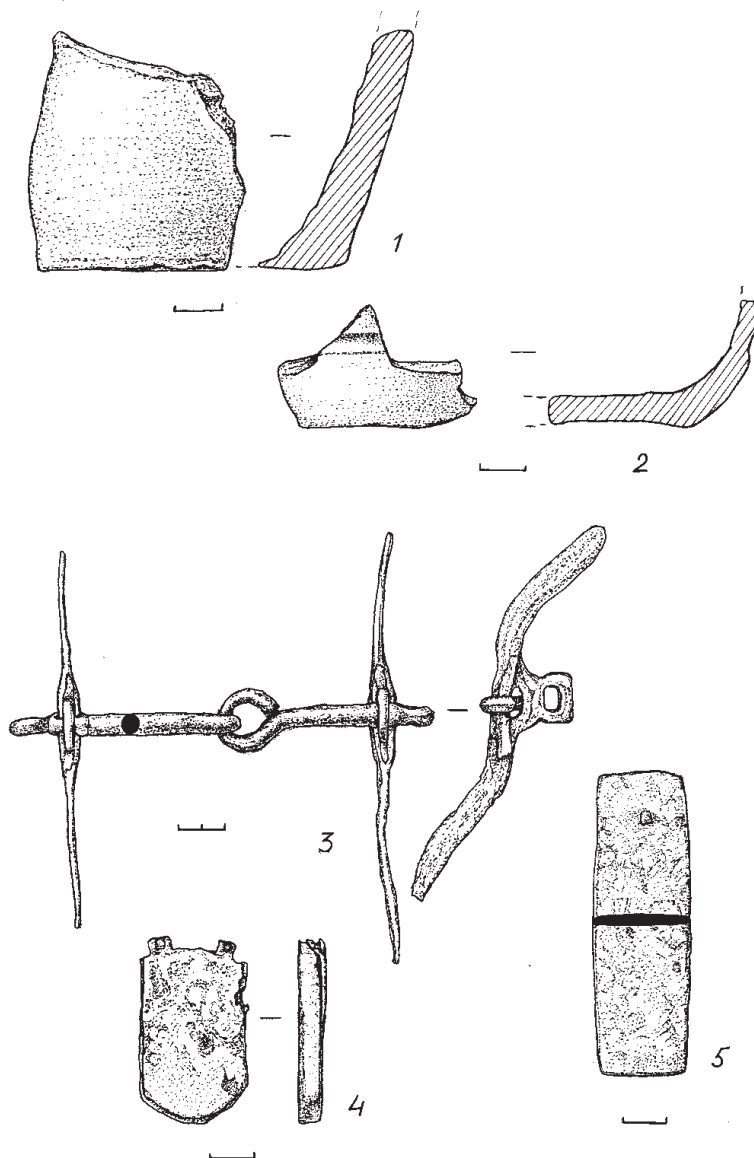

Рис. 2 к статье Пьянков А.В. КОМПЛЕКС РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТОВ VIII-IX ВВ. ИЗ ФОНДОВ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

ным обрядом, бытовавшим у отдельных народов Хазарии.

Датировать краснодарский комплекс можно в пределах IX века, когда еще бытовали удила с S-видными псалиями и уже появились боевые топоры с двумя выступами на лезвии.

На территории Адыгеи лишь в северозападных районах, примыкающих к Краснодару, обнаружены кремационные могильники и отдельные комплексы салтовского времени: 1 Псекупский, Казазовский 2 и Тахтамукаевский комплекс. Вероятно, с одного из этих памятников и происходит публикуемый здесь комплекс.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Любезно сообщено А.М.Новичихиным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов Н.В. Тахтамукаевский могильник // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II, Майкоп, 1961.
2. Бабенко В.А. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 года. М., 1910.
3. Гей А.Н., Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сатеев О.И., Сорокина И.А. О работе Северо-Кавказской экспедиции // АО 1986 года. М., 1988.
4. Дмитриев А.В. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII - начала IX века в районе Новороссийска - Геленджика // ТДК VIII «Крупновские чтения». Нальчик, 1978.
5. Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо / КСИА. Вып. 168, 1979.
6. Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.
7. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Вып. XLI, 1951.
8. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупса // ВИА. Майкоп, 1985.
9. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII - XII вв. М., 1981.
10. Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА, Т. 23, 1955.
11. Михеев В.К., Степаньска Р.Б., Фомін Л.Д. Зброя салтівської культури та її виробництва (списи) // Питання історії народів СРСР. Вип. 4, 1967.
12. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
13. Носкова Л.М. Средневековые погребения Ново-Вочепшийского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
14. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.
15. Пьянков А.В. Раннесредневековые находки из разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского края // Древности Кубани. Вып. 10, Краснодар, 1998.
16. Пьянков А.В. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
17. Пьянков А.В. Урновые трупосожжения из могильника Бжид 1 // Древности Кубани. Вып. 9, Краснодар, 1998.

18. Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-12 годах // ИАК. Вып. 56. Петроград, 1914.
 19. Старостин П.Н., Казаков Е.П. Игимский могильник // СА. 1973, N 1.
 20. Тарабанов В.А. Исследование средневековых памятников в районе аула Казазова Адыгейской автономной области в 1986 г. // ТДК XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа Махачкала, 1988.
 21. Тарабанов В.А. Вооружение и снаряжение всадника VIII - X вв. в могильниках Казазово I и II // ТД «I Кубанская археологическая конференция». Краснодар, 1989.
 22. Тарабанов В.А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. Ейск, 1992.
 23. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
 24. Шишлов А.В. Раскопки могильника античного времени в пос. Южная Озерейка близ Новороссийска // АО - 1995 г. М., 1996.
-
-

Зеленский Ю.В.

Науч. сотр. музея — заповедника

ПРЕДМЕТЫ УПРЯЖИ ИЗ ПОЛОВЕЦКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПРИКУБАНЬЯ И ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНЬЯ

В половецких погребениях Прикубанья и Восточного Закубанья встречаются предметы упряжи: стремена, удила, подпружные пряжки, остатки седел и шпоры. В данной статье рассматриваются стремена, удила и шпоры.

Стремена обнаружены в 22 погребениях: в 11 по одному стремени; в 10 - по два и в 1 погребении четыре стремена. Мною была использована типология А.Н.Кирпичникова и Г.А.Федорова-Давыдова. Выделяются следующие типы стремян:

Тип BI по типологии Г.А.Федорова-Давыдова или VI тип по А.Н.Кирпичникову - контур стремян арочный; ушко прямоугольное или трапецевидное, в месте сочленения с дужкой заужено. Подножка плоская, слегка вогнутая внутрь (рис.1, 1).

Тип DII по Г.А.Федорову-Давыдову или VII тип по А.Н.Кирпичникову - стремена «смягченной угловатости», дужки плавно переходят в прямую линзовидную в плане подножку (рис.1, 2).

Тип DIII по Г.А.Федорову-Давыдову. А.Н.Кирпичников включает их в VII тип. Они отличаются от предыдущих стремян только тем, что верхняя часть дужки имеет стрельчатое завершение (рис.1, 3).

Тип VI по типологии Г.А.Федорова-Давыдова или VIIA тип по типологии А.Н.Кирпичникова - арочной формы с прямой подножкой и прямоугольным или трапецевидным выступом для ушка (рис.1, 4).

В погребениях с костяком коня стремена встречены среди костей коня, а

если костяка коня не было у ног погребенного.

Удила встречены в 13 погребениях причем в 6 погребениях были стремена без удил, а в 6 удила без стремей. Встречены следующие типы удил по типологии Г.А.Федорова-Давыдова.

Тип П - двусоставные, с подвижными кольцами (3-4 см в диаметре) на концах (рис.1, 5).

Тип ПII - двусоставные, с большими (6 - 7 см) подвижными кольцами на концах (рис.1, 6).

В половецких погребениях Прикубанья и Восточного Закубанья не встречены односоставные удила без перегиба, характерные для печенежских памятников (15). В погребениях удила чаще всего встречены во рту лошади.

Шпоры встречены в 2 погребениях. Они I типа по типологии А.Н.Кирпичникова - с шипами и скобой лежащими в одной горизонтальной плоскости. Находка шпор редчайшее явление для позднекочевнических погребений. Они найдены только в двух захоронениях и только в Прикубанье (19, с.104; 4, с.31). Шпоры были найдены у ног погребенных по две в каждом погребении.

Предметы упряжи имеют многочисленные аналогии в позднекочевнических, древнерусских и северокавказских погребениях. Стремена типов БI и VI встречены в Сибири (3, таб.IX, 1), на Южном Урале (10, рис.22, 12), в древностях салтово-маяцкой культуры (17, рис.44), в Подонье в салтовских памятниках (13, рис.8, 33, 34), в могильнике Казазово в Прикубанье (18, рис.1, 19). В древнерусских древностях они датируются IX - XI вв.. (7, с.45). В половецкое время стремена этого типа бытуют как пережиток (5).

Стремена типа ДII или VII в большом количестве встречены в черноклобуцких погребениях (7, с.50; 16), встречены они также в Сибири (2, рис.3, 1), Нижнем Поволжье (22, рис.67, 1), Нижнем Поднепровье (11, рис.76, 5), в половецких погребениях Миусского полуострова в Северо-Восточном Приазовье (6, с.121), в могильнике Быково III в Нижнем Поволжье (12, с.163), в Чингульском кургане (14, с.17), в половецких погребениях Среднего Подонья (21, с.261, рис.3). Эти стремена бытовали как в половецкое, так и в золотоордынское время (19, с.181). А.Н.Кирпичников датирует такие стремена XII - XIII вв.. (7, с.50), а Г.А.Федоров-Давыдов считает их хронологическим индикатором золотоордынского периода вторая половина XIII - XIV вв.. (20, с.116).

Стремена типа ДIII встречены в тех же памятниках, что и тип ДII, а также в кипчакских погребениях Южного Урала (5) и в погребении 5 грунтового могильника в Цемесской долине близ Новороссийска (1, с.103). Г.А.Федоров-Давыдов датирует их концом XII - началом XIII вв.. (20, с.115), в памятниках Приуралья такой тип стремей встречен в погребениях XIII - XIV вв.. (5).

Тип VI или VIIA представлены на древнерусских городищах, в черноклобуцких погребениях Поросья (7, с.51; 15), в курганном могильнике Русский Колодец Северо-Восточного Приазовья (6, с.121), в курганном могильнике Быково III в Нижнем Поволжье (12, с.163), в погребениях поздних кочевников Среднего Подонья (21, с.261, рис.3), в кипчакских погребениях Ново-Кумакского могильника (8, с.178-179). Г.А.Федоров-Давыдов датирует этот тип стремей XII - началом

XIII в (20, с.105), А.Н.Кирпичников второй половиной XII - первой половиной XIII в (7, с.51). В то же время в Приуралье такие стремена бытуют во второй половине XIII - XIV вв.. (5, с.26). В Приуралье все типы стремян запаздывают по сравнению с Прикубаньем, Подоньем, Приазовьем, Поросьем.

Двухсоставные кольчатые удила встречаются в половецких погребениях Приуралья, Нижнего Поволжья, Подонья, Северо-Восточного Приазовья, черноклобуцких погребениях Поросья. Они датируются очень широко XI - XIV вв.. и сами по себе хронологическим индикатором служить не могут. Но удила типа П чаще встречаются в погребениях половецкого периода, а удила типа ПII в захоронениях золотоордынского периода.

Шпоры I типа найдены на древнерусских городищах прежде всего в Новгороде в слоях XI - XII вв.. (7). По мнению А.Н.Кирпичникова они не заходят за XII век (7, с.63). В то же время они встречены в погребении датирующемся 30-ми гг. XIII в у пос.Праздничный в Прикубанье (4, с.31).

В половецких погребениях Прикубанья и Восточного Закубанья предметы упряжи встречаются в захоронениях воинов-всадников вместе с оружием и оборонительным доспехом.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Армарчук Е.А., Малышев А.А. *Средневековый могильник в Цемесской долине //Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир, - Москва, 1997.*
2. Гаврилова А.А. *Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее //СА, N4, 1964.*
3. Гаврилова А.А. *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., - Л., 1965.*
4. Зеленский Ю.В. *Погребение воина-всадника из степного Прикубанья // Древности Кубани:материалы семинара посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова. Краснодар, 1997.*
5. Иванов В.А., Кригер В.А. *Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII - XIV вв..). М., 1988.*
6. Ильюков Л.С., Казакова Л.М. *Курганы миусского полуострова. Ростов-на-Дону, 1988.*
7. Кирпичников А.Н. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII вв. //САИ, Вып.Е1 - 36.*
8. Кригер В.А. *Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) //СА, N3, 1983).*
9. Левашова В.П. *Белореченские курганы //Тр.ГИМ, Вып.22, М., 1953.*
10. Мажитов Н.А. *Курганы Южного Урала VIII - XII вв.. М., 1981.*
11. Макаренко Н.Е. *Археологические исследования 1907 - 1908 гг. //ИАК, Вып.43, СПб., 1911.*
12. Мамонтов В.И., Ситников А.В. *Средневековые погребения из курганного могильника Быково III //Древности Волго-Донских степей Вып.4. Волгоград, 1994.*
13. Михеев В.К. *Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.*
14. Отрощенко В.В., Рассамкин Ю.Я. *Половецкий комплекс Чингульского*

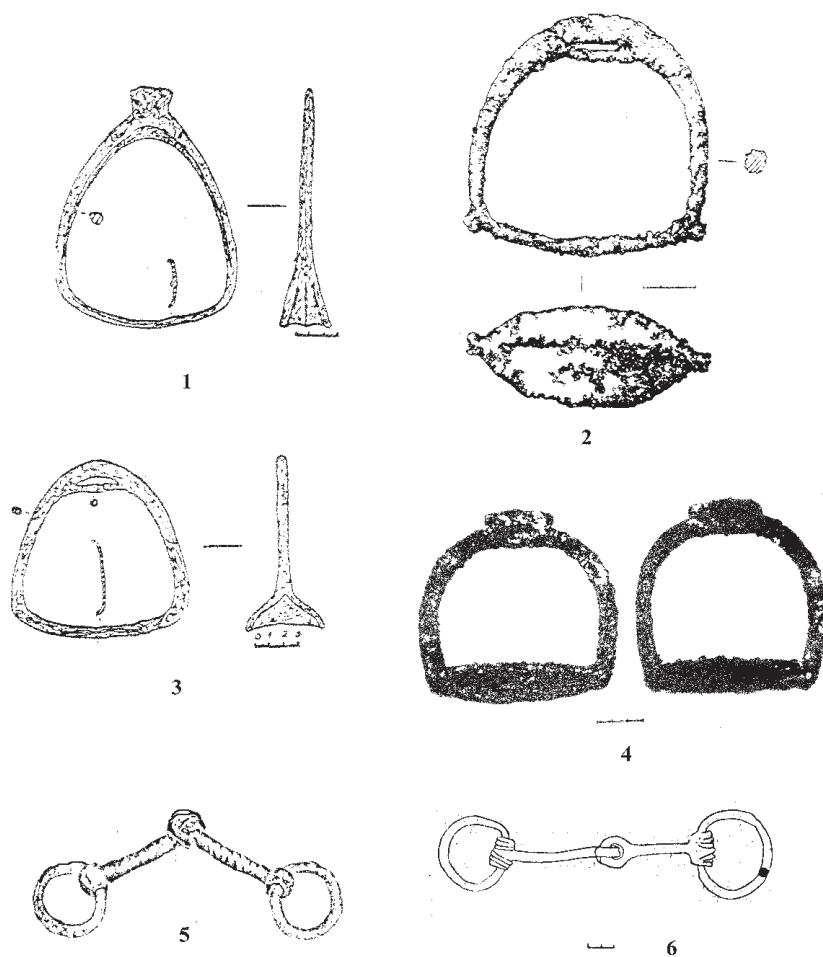

Рис. к статье Зеленский Ю.В. ПРЕДМЕТЫ УПРЯЖИ ИЗ ПОЛОВЕЦКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ПРИКУБАНЫ И ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНЫ

- кургана //Археологія, N53, 1986.
15. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА, N62, 1958.
16. Плетнева С.А. Древности черных клобуков //САИ, Вып.Е1-19.
17. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
18. Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II, А., 1983.
19. Тарабанов В.А. Средневековые Северо-Западного Кавказа. Тмутараканское княжество //Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 года. Краснодар, 1996.
20. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
21. Цыбин В.М. Погребения средневековых кочевников X - XIV вв. в Среднем Подонье //СА, N3, 1986.
22. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник //МИА, N60, 1959.

Волков И.В.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОПЫ (КОПАРИО - ЛО КОППА)

Точное местоположение города Копы до сих пор не известно, хотя множество исследователей с разной степенью убедительности пытались его определить. На текущий момент нельзя даже достоверно сказать, являются ли синонимами два варианта названия, помещенные в заглавии в скобках. (Решение проблемы затрудняется еще и тем, что сама река Кубань также называлась Копой, что порой допускает двойственность толкования текста источников). Выяснение значения этих наименований важно не только с точки зрения исторической географии, но и для интерпретации сведений письменных источников и решения сугубо исторических проблем, связанных процессом освоения Приазовья итальянцами. Достаточный исходный материал для решения проблемы может быть получен в результате сравнительного анализа «Устава для генуэзских колоний на Черном море 1449 г. и итальянских портоланов XIII-XV вв. Однако, обратимся к истории решения проблемы.

Первые попытки относятся еще к 19 веку. Естественно, это были очень поверхностные суждения, основанные и на интерпретации средневековых карт, и на сведениях письменных источников, в большинстве случаев - не конкретных. Обе группы источников свидетельствуют о том, что Копы находилась около устья Кубани, что и породило версию о локализации этого города при устье, без подробной аргументации. Эту версию правильнее всего назвать «поверхностной», но формулировки авторов обычно не позволяют сказать,

что она неправильная. И.Потоцкий полагал, что надпись «Копа» на картах соответствует «западному устью Кубани» [29,с.23], что принципиально не противоречит истине. В разных формах это мнение высказывалось и позже [14,с.135].

Е.Ф.Примодзе локализовал Копу на месте современного Темрюка [56,р.97,126- 127], что в силу большей точности формулировки очень уязвимо. Уже Е.Д.Фелицын усомнился в правильности этого мнения, исходя из отсутствия следов «генуэзского поселения на месте Темрюка, хотя и не отверг это мнение категорически» [36,с.18]. В действительности следов какого бы то ни было средневекового поселения на месте современного Темрюка не обнаружено до настоящего времени, более того, автор фундаментальной работы по исторической географии Таманского полуострова убежден, что холм этого грязевого вулкана (занятый современным Темрюком) не был обитаем до самого возникновения современного города в начале XIX в., а средневековый Темрюк находился в стороне от современного города [12,с.87,95]. Этого мнения вполне достаточно для того, чтобы отказаться от расположения Копы на месте Темрюка (слишком велик должен быть размер искомого поселения, чтобы его могли не заметить все археологи, работавшие в регионе), но устные сведения местных жителей о находках древностей при строительстве в центре Темрюка в 50-е гг. все же имеются и нуждаются в дополнительной проверке. Однако результат этой проверки едва ли повлияет на решение нашей проблемы. Тем не менее в отечественной литературе также высказывалось мнение (в очень отбитаемой форме) о нахождении Копы на месте Темрюка [16,с.13].

Один из вариантов «поверхностного определения» отличается от всех прочих: это публикации карт Северного Причерноморья XIII-XV вв. Видимо, первым И.Г.Братиану поместил в своей монографии карту средневековых итальянских «колоний» на берегах Черного и Азовского морей, на которой Копа помещена на левом берегу Кизилташского лимана [46,с.357]. Вероятно, это связано исключительно с тем, что до XIX в. основной сброс вод Кубани шел именно через Кизилташское гирло, а румынский исследователь исходил из той верной посылки, что Копа располагалась на левом берегу одноименной реки (Кубани). И.Г.Братиану, видимо, вообще не видел разницы между Копой и Кубанью [48,р.276,369]. Уже на этой карте автор поместил и дату первого упоминания города в документах, касающихся генуэзской торговли - 1289 г. [46,с.357]. Хотя этот «модернизм» имеет определенную логику, такое расположение устья не отвечает действительности, а сама локализация может быть использована как хрестоматийный пример нелепости. Ни на одной средневековой карте основное устье не обозначалось южнее Керченского пролива, а напротив, более или менее точно соответствовало положению современного. Однако современное устье Кубани было прокопано в 1819 г. жителями станиц Старотитаровской, Ахтанизовской и Темрюкской с целью опреснения вод Ахтанизовского и Курчанского лиманов [3, с.104].

Затем та же карта без критических комментариев была воспроизведена А.Брайером [50,р.16, map 5], М.Баларом [43,р.853,855] и в других изданиях

[47,р.40]. Впрочем, это не мешало авторам в тексте говорить о том, что Копа находилась на Азовском море [43,р.706,852; 47,р.309]. На картах, помещенных в двух монографиях С.П.Карпова [19,с.24; 20,с.98], Копа также расположена у левого берега Кизилташского лимана. Хотя карты в этих книгах играют только служебную иллюстративную роль, авторитет изданий настолько велик, что ошибка может быть тиражирована в будущем.

Большей точности можно было бы ожидать от кубанских краеведов, но и они пошли по тупиковому пути. Н.Мурзакевичу принадлежала значительно более живучая версия, основанная на фонетическом сходстве названий Копы и крепости Копыл и полулегендарных сведениях, восходящих ко второй половине XIV в. [22,с.45]. Его исходную «аргументацию» следует воспроизвести в полном виде, чтобы точно знать, на чем основываются данные сторонников этой версии. Сначала в тексте сочинения Н.Мурзакевича речь идет о пиратских действиях на Каспийском море жителя Каффы Луки Тариго в 1374 г., завершившихся почти благополучным возвращением в Каффу, после чего говорится: «Часть генуэзской флотилии, войдя в устье реки Кубани и поднявшись по оной на 28 итальянских миль, основала поселение Копа (Chopa)... [22,с.45,46]. Эти сведения взяты им из сочинения Джироламо Серра [57,IV,58]. Определение местоположения Копы вынесено в примечание, которое также следует привести полностью. «На генеральной карте Европы, изданной А.Савинковым в 1817 году, а также и на подобной карте Европы, изданной военно-топографическим депо в СПб. 1827 года, при р.Кубани означено селение Копыл; не остатки ли это генуэзской Копы? [22,с.46]. Как видим, речь здесь идет не об аргументированном доказательстве, а лишь о предположении в самой сомнительной форме.

Изменение расстояния от устья с 280 миль, как в тексте Д.Серра, на 28, видимо, было осознанным, т.к. в противном случае сведения преобрили бы фантастический облик.*2) Более того, при просмотре текста итальянского историка оказывается, что сообщения о «подвигах» Луки Тариго и об «основании» Копы вообще не связаны между собой, а лишь помещены рядом в этом скорее художественном, чем научном сочинении [57,IV,р.58-59]. Скорее всего, они происходят из разных источников, первый из которых [39] был известен, например, Ф.К.Бруну [8], ни разу не писавшему о расстоянии от устья Кубани до Копы. (К сожалению, мне этот источник пока недоступен [39]).

Затем это мнение было повторено В.Юргевичем, в комментарии которого 28 итальянских миль от устья превратились в 280 [35,с.835, прим.144], т.к. этот автор ссылаясь на цитату из Д.Серрра в передаче М.Г.Канале [51,р.313] (у обоих итальянских историков фигурируют именно 280 миль). Этот исследователь не обратил внимания на то, что 280 миль (не менее 400 км) от устья никак не могут соответствовать положению крепости Копыл. В этом случае Копа находилась бы значительно восточнее Краснодара, даже с учетом многочисленных изгибов Кубани - не ближе Усть-Лабинска. К сторонникам «копыльского» варианта локализации поселения В.Юргевич отнес и И.Лелевеля, однако ни в одной из доступных работ вилевского профессора мне не удалось найти высказывания на этот счет.

Затем точка зрения Н.Мурзакевича в пересказе В.Юргевича была поддержана и развита Е.Д.Фелицыным. В подтверждение он описал остатки крепости Копыл, осмотренные им на территории ст.Славянской [36,с.18-19]. Замечательный знаток кубанских древностей был склонен считать, что Копа располагалась именно там, хотя и признавал, что «трудно с достоверностью определить, кем и в какое время были сооружены были находившиеся здесь здания [36,с.19]. Однако же все из описанных им предметов, поддающихся приблизительной датировке (крепостной крепеж на винтах и курительные трубки), относятся ко времени не ранее XVIII в.

После публикации и переиздания статьи Ф.М.Бруна (во французском и русских вариантах) [49,с.6,16,61;8,с.384;9, с.213] мнение о тождестве Копы и Копыла у многих перестало вызывать сомнения. Оно попало в зарубежную литературу [54,S.646], и только отсутствие стремления к точности локализации не позволило ему распространиться значительно шире.

В результате список сторонников локализации Н.Мурзакевича выглядит весьма внушительно и продолжает увеличиваться в настоящее время [37,с.330;17,с.81; 1, с.186, прим.1, с.191,прим.:2,с.12; 18,с.190,266; 21,с.112; 5,с.9]. К сожалению, в их число попадают и серьезные исследователи: В.Б.Виноградов [10,с.69], А.Г.Еманов [15,с.20,102], А.М.Некрасов (последний дал 2 противоречащих друг другу определения: «у устья Кубани, на р.Протоке [25,с.28] - может иметься в виду только Славянск, т.к. остальные места р.Протоки расположены значительно дальше от Кубани и ее устья; а затем - предположительно в Темрюке [25,с.106]).

Локализация Копыла на месте Славянска-на-Кубани (в прошлом - ст. Славянской) не вызывала трудностей. Крепость обозначена на множестве русских военных ситуационных карт (частично изданных). Точное определение местоположения Копыла на современном ландшафте сделано В.А.Соловьевым: «Ныне видны остатки валов на стадионе г.Славянска-на-Кубани [34,с.31]. Однако только совсем недавно нашелся первый исследователь, который обратил внимание на то, что эта локализация соответствует только Новому Копылу (Ени-Копыл), построенному в 1747 г. [30,с.27; ср.:34, с.31], следовательно, Копой это место являться не может. (К сожалению, этот автор создал еще одно расстояние от устья Кубани до Копы - 22 итальянских мили [31,с.7], что, вероятно, соответствует расстоянию от Тамани до Ени-Копыла, указанному в трактате Шарля Пейсонеля О торговле на Черном море [1, с.191]). Ю.В.Приймак сделал вывод, что Копа находилась на месте Старого (Эски-) Копыла, расположенного на окраине пос.Трудобеликовского [30,с.27]. Положение последнего также достаточно четко было определено В.А.Соловьевым: «Ныне здесь установлен топографический знак в саду колхоза имени Мичурина Красноармейского района [34,с.29]. При очень беглом осмотре местности в 1998 г. мне не удалось найти никаких остатков крепости или поселения на территории упомянутого сада. Однако для решения проблемы локализации Копы важно другое: крепость Старый Копыл была построена по повелению Казы-Гирея в 1608 г. [34,с.31] и, следовательно, факт преемственности

ее с Копой маловероятен.

Главный же недостаток этой версии - тот очевидный факт, что пункт Копы (причем не река) начинает регулярно упоминаться в письменных источниках значительно раньше, чем произошли события, связанные с Лукой Тариги и возможным плаванием генуэзцев вверх по Кубани [46,р.357].

Обзор имеющихся вариантов локализации города можно завершить следующим выводом. Кроме поверхностных суждений существуют три более или менее конкретных версии его расположения: 1 - район Славянска-на-Кубани и поселка Трудобеликовского, 2 - район Темрюка, 3 - район левого берега устья Кызылташского лимана. Последний вариант можно сразу отбросить как невероятный. Первый вариант основан на полулегендарном рассказе о «вторичном» основании Копы, уже после того, как она многократно упоминалась в письменных источниках и сходстве названий Копы и Копыл. Археологических подтверждений существования поселения XIV-XV вв. в районе поселка Трудобеликовского пока нет и, видимо, не будет. Второй вариант локализации, если за ориентир принимать современные границы города Темрюка, также почти невероятен.

Однако сравнительный анализ данных «Устава 1449 г. и доступных мне портоланов XIII-XV вв. позволяет найти более конкретное решение. И в «Уставе», и на портоланах присутствуют два названия с одним корнем, но их тесная взаимосвязь и даже взаимозаменяемость терминов привели к тому, что историки чаще всего воспринимали эти два топонима как синонимы. Однако постоянное сосуществование обоих терминов как раз наталкивает на мысль, что они обозначают разные предметы. Об их расположении в пространстве можно судить по портоланам, а о значении понятий - по употреблению терминов в «Уставе».

Уже при беглом просмотре текста «Устава» бросается орфографическое несоответствие: ло Коппа всегда пишется с артиклем и удвоением «пп» в отличие от Копарио (всегда без артикля), что кажется странным для однокоренных слов с одним значением. В других приблизительно синхронных источниках наименование этого города с артиклем и одним «п» встречается чаще, что увеличивает вероятность целенаправленного разлмчения орфографии в законодательном источнике. Полный текст части «Устава», посвященной Копе приводить здесь не стоит, хотя некоторые погрешности перевода В.Юргевича очевидны. Для иллюстрации особенностей использования слов в колонках таблицы отдельно помещены фрагменты текста, где говорится или о ло Коппе, или о Копарио. Во вторую колонку помещены также фрагменты, где речь идет о «том месте» или «оговоренном месте», «упомянутом месте» (в латинском тексте всегда «dicto loco» или «dicti loci»). Хотя сама формула - это лишь дань стилю документа (она встречается в «Уставе» повсеместно применительно ко многим консулам и городам, правда, обычно владеющим округой) контекст использования такого определения напоминает Копарио. Во всяком случае ло Коппа ни разу не названа «оговоренным местом», и лишь в единственном случае Копарио не снабжается таким уточнением, правда там слово стоит в необычном падеже (§21). Для удобства проверки здесь сохранено разделение на параграфы, отсутствующее в источнике и введенное издателем. (В итальянской публикации этого источника издателями дана сплошная нумерация параграфов [40, р.575-752]).

Древности Кубани

	ло Коппа	Копарио; место
Заг.	...должен делать консул в ло Коппа	
§1		Консул Копарио в оговоренном месте обязан...
§2	...приехав в ло Коппа, должен на месте избрать еще двух управляющих греков из лучших, да кроме того трех советников, двух латинцев и одного грека, которые должны быть с ним и составлять его совет, вместе с управляющими	
§3	...консул обязан явиться со всеми купцами, находящимися в ло Коппа, или с большею их частью	перед властями того места и вместе с ними назначить плату за рыбу. [монетой низшей пробы]
§4		[о штрафе за покупку рыбы до установления пробы] ...треть принадлежит обвинителю, треть консулу того места, а треть казначейству того места
§5		...в упомянутое место не привозить соли... ...которые привозят соль в упомянутое место Копарио, должны всю соль, которая у них остается после окончания работ... ...по приговору консула того места и управляющих... 100-200 аспров... треть обвинителю, другая треть консулу того места Копарио и другая треть - казначейству Каффы... За этим длжны следить прилежно консул и казначеи того места. Соблюдать же это постановление обязаны отправляющиеся в оговоренное место Копарио как весною, так и в

		сентябре.
§9		...отправляющиеся в упомянутое место Копарию, какого бы они ни были звания и народа, занимающиеся пластованием рыбы и приготовлением икры, обязаны платить консулу по 10 аспров с бочки в 5 кантаров... Не может только консул ничего получать от тех, которые покупают икру, приготовленную подданными хана (Canlucorum).
§10		...через канлюков станет пластовать рыбу... ...1/3 обвинителю, остальная [часть, 2/3] - консулу того места.
§11	...консул должен быть изъят и освобожден от всех расходов, делаемых казначейством того места, и от пошлин в ло Коппа.	Управляющие же, Советники и другие не могут пользоваться никаким изъятием от расходов, делаемых в том месте
§12	Консул в ло Коппа может получать за каждого невольника, вывозимого оттуда, по шести аспров	
§18		...консул не смел и не думал отправляться на свое место из Каффы, пока прежде не будет иметь в Каффе, или по крайней мере в Матрике...
§19		...ни один купец и ни одно судно не в праве прийти в Копарию прежде консула того места...
§21		Когда консул придет в Копарию и найдет приготовленную икру и пластованную каким-нибудь гонуэзцем рыбу... [берет себе].

§22		...консул с управляющими и советом обязан, когда уже будет на упомянутом месте в Копарио, избрать, по принятому обычаю, четырех оценщиков, двух латинцев и двух греков, которые должны быть прежде всего приведены к присяге письмоводителем в присутствии консула, управляющих и совета... Им принадлежит оценка всех расходов, сделанных на проезд в Копарио консулом того места и затем раскладка и определение, сколько кому следует заплатить; ...чтобы бедные не были обременены свяше своих средств.
§24	...никакой генуэзец не в праве и не смеет взимать пошлин в ло-Коппа, ни вмешиваться в оные под угрозой штрафа от 50 до 100 соммов по усмотрению синдиков, коего третья часть принадлежит обвинителю, а 2/3 штрафа - коммуне	
§25		...никто, какого бы он ни был звания, не смел и не думал привозить сам или через других, или присылать в упомянутое место Копарио соли, только разве для своего употребления и не на имя подданных хана (Canlucorum) или других генуэзцев, живущих в том месте, под штрафом в 1000 аспров за каждую бочку... 1/3 казначейству того места...

К сожалению, текст не дает окончательных ответов на желаемые вопросы, но частично воспроизведенные здесь фрагменты позволяют сделать некоторые предположения. Консул и по крайней мере часть администрации - едины и для ло Коппы и для упомянутого места Копарио, что может свидетельствовать о том, что речь идет об одном и том же месте. Сходное значение должен иметь и §4, т.к. встреча властей «того места» и консула вместе с большинством

купцов легко исполнима только в том случае, если они находятся в одном и том же населенном пункте. Однако если мы признаем синонимичность понятий «ло Коппа» и «Копарио», то столкнемся с некоторыми противоречиями.

В §11 расходы, делаемые казначейством «того места», и пошлины в ло-Коппа оговорены отдельно, что было бы странным, если речь идет об одном месте. Трудно объяснить это только устойчивостью юридической формулировки, т.к. далее относительно управляющих и советников говорится лишь о расходах «в том месте».

В §12 говорится о пошлинах в пользу консула за вывоз рабов, что косвенно свидетельствует об отличии Копы от Копарио, т.к. в Копарио находились подданные хана (*Canlısoğum*), которые упоминаются только в связи с Копарио [35, с.803, §9, с.806, §25].

Особенно сложен для понимания §19. «Ни один купец и ни одно судно не в праве прийти в Копарио прежде консула того места». Объяснить возможность исполнения предписания могу только следующим образом: генуэзские корабли, идущие из многочисленных черноморских портов, имеют возможность зайти в какой-то промежуточный пункт (ло Коппу), где наверняка узнают, прибыл ли он из Каффы и отправился ли в Копарио. Кроме того этот параграф явно противоречит двадцать пятому, где говорится о существовании генуэзцев, постоянно живущих в том месте (*aliarum personarum Januensium habitantium in dicto loco*). Было бы странным запрещать приезд в место постоянной жизни генуэзцам, если Коппа и Копарио являлись бы одним и тем же местом. Впрочем, возможно, это были сделанные (*personarum*) генуэзцы с правами частичного гражданства.

В §21 единственный раз слово Копарио (*Coparium* - также здесь единственный случай ошибки в падежном окончании) употреблено без уточнения «dicto loco». Речь здесь идет о конфискации рыбы и икры в пользу консула, что можно расценивать как штраф. Если проводить сравнение с §6, где говорится о распределении штрафов, то бросится в глаза некоторое противоречие: весь штраф достается консулу только в том случае, если он не превышает 50 аспров. В ряде параграфов оговорена выплата 1/3 штрафа обвинителю, здесь же доносчик не предусмотрен. Примирить оба условия очень трудно, т.к. тогда консул должен без услуг доносчика найти небольшое количество товара (стоимостью до 50 аспров). О том, какому количеству икры или рыбы соответствуют 50 аспров, можно судить уже по тому, что только налог за право заготовки 1 бочки рыбы или икры весом в 5 кантаров составлял 10 аспров, а налог за вывоз каждой бочки - 1 аспр. Поскольку сумма налогов не должна была превышать 5%, речь может идти о количестве рыбы и икры в 1/4 бочки. Следовательно, место, называвшееся ло Коппа, должно быть очень небольшим, настолько, что консул может контролировать наличие такого количества товара, не выставленного на продажу. (Контр-аргумент: отчасти это можно объяснить тем, что этот «натуральный» штраф был скоропортящимся и его стоимость сильно колебалась в зависимости от места реализации, поэтому в оговоренном случае консулу мог доставаться конфискованный товар

стоимостью более 50 аспров).

Однако если мы допустим, что здесь допущена ошибка писца и речь идет о ло Коппе, то это будет вполне соответствовать предписанию об освобождении консула от всех расходов в этом месте.

В §22, если признать однозначность слов ло Коппа и Копарио, фраза «когда уже будет на месте в Копарио оказывается лишней, т.к. управляющие и совет сами также могут быть избраны только после приезда консула в ло Коппу (§2). Этот параграф помещен в уставе значительно позже того места, где предписывается избрание совета консула и позже встречи с «властями того места».

В §24 единственный раз идет речь о выплатах в пользу коммуны - это штраф, взимаемый в ло Коппе. В остальных случаях выплаты делаются в пользу казначейства того места, казначейства Каффы, консула или обвинителя, но никак не в пользу коммуны. Этот параграф в целом требует более подробного толкования. Если никакой геуэзец не имеет права взимать пошлины в ло Коппе, то кто же обладает таким правом? Консул является геуэзцем, но где он тогда взимает пошлины? Примирить обе проблемы довольно сложно. При этом в «Уставе» не зафиксированы какие-либо пошлины в пользу золотоордынской или черкесской «администрации»: в §3 речь идет скорее не о пошлине, а о монетном номинале, используемом при торговле (упоминающиеся в данном случае *dominatione dicti loci* могут оказаться не властями того места, а предводителями коллективов рыбаков), а в §13 - о «дипломатических подарках владетельным особам Зихии (где звонкая монета вообще не была в ходу).

Исходя из общей политики республики, зафиксированной в «Уставе», запрещение в §24 можно связывать с двумя имевшими место явлениями: получением геуэзцами откупов налогов, взимаемых ханской администрацией (*Canlısoğum*), и продажей должностей. Объяснить появление такого параграфа в связи с первым из них трудно, т.к. на территории юрисдикции консула Копарио все, «какого бы они не были звания и народа» обязаны платить консулу за пластование рыбы и приготовление икры [35, с.803, §9]. Формулировка же запрещения почти в точности совпадает с предписанием «никому не вмешиваться в сбор пошлин, производимый подданными хана» [35, с.741]. Однако санкцией за нарушение постановления этого параграфа является штраф, совпадающий с наказанием за продажу должностей (50-100 соммов) [35, с.746], а за вмешательство в сбор ханских налогов он составлял бы 50-200 соммов. Из этого следует и возможная интерпретация, связанная с различием значений названий ло Коппа и Копарио: законодатель, осознавая трудность сбора пошлин консулом на всей территории его юрисдикции, допускает продажу части полномочий консула на территории Копарио, отдаленной от ло Коппы, но не допускает этого в самой ло Коппе.

С точки зрения возможности противопоставления ло Коппы и Копарио существенно противоречие параграфов 5 и 25. В обоих идет речь об одном и том же правонарушении именно на территории Копарио, но суммы штрафа и их раскладка по получателям существенно отличаются. На первый взгляд, это

показывает, что различия и определенная непоследовательность в предписаниях могут иметь место даже в том случае, если речь идет только о Копарио и, следовательно, сам предложенный способ противопоставления методически не оправдан. Однако здесь, скорее всего речь идет о разной степени виновности разных лиц: во втором случае постановление касается попытки обмана администрации и халатности со стороны консула, что и вызывает более жесткие санкции, а местные власти не получают своей доли штрафа.

Есть в «Уставе» несколько пунктов, не связанных с рассмотренным противопоставлением Копы и Копарио, но косвенно дающих информацию об этом месте или местах.

В §7 говорится о налогах, собираемых консулом, без уточнения места (ло Коппа или Копарио). Каждый патрон корабля или судна или монерии (*navis et navigii sive monerii*) платит консулу 1 аспр с бочки и 15 аспров за судно за стоянку на якоре. Именно этот пункт вызвал здравый комментарий В.Юргевича: «Зная, до каких мест река Кубань судоходна, в особенности в осеннее время, и осмотрев местность, можно было бы, если не сделать новых догадок на счет положения Копы, то по крайней мере опровергнуть уже сделанные» [35, с.835, прим.145].

Здесь необходимо отметить существенную особенность устьев дельты Кубани: все они непременно имеют очень высокий бар на выходе в море [3, с.84]. Плавание по самой реке при всей сложности не может сравниться по степени опасности с прохождением гирла. Учитывая то, что основной лов рыбы происходил в половодье, во время нереста, а окончание заготовок (и, следовательно, отплытие большинства судов) совпадало с понижением уровня воды в реке, заходы генуэзских кораблей в Кубань, на большое расстояние от устья, становятся почти невыполнимыми. В этом случае суда с незначительной усадкой (в Копу везли в основном легкие товары) входили бы в гирло при высокой воде и самом сильном течении, а выходили груженными при низкой воде, когда максимальная глубина на баре едва достигает полутора метров и лишь на узком фарватере, а количество топья максимально. Такие авантюры более свойственны корсарам типа Луки Тариги, а не расчетливым купцам.

Косвенно подтверждает это и §8, где говорится о налогах на разные типы парусов. Для больших торговых судов хождение по извилистому руслу Кубани под парусом нельзя назвать безопасным. И хотя по остальной оснастке консул мог легко определить, какими парусами вооружено судно, было бы странно устанавливать налог на паруса в том месте, где они почти всегда убраны.

В §17 речь идет о том, что консул может взять с собой 1 бригантин, которым бы он распоряжался, с двадцатью моряками-гребцами и одним супракомитом (*ultra comites*), который затем становится исполнителем полицейских функций - приставом (*cavalerius*). Ни для одного другого генуэзского консула Причерноморья такое право (иметь специальное судно) не оговорено (надо полагать, расходы на судно и этих людей оплачивало казначейство Копарио). Особенность положения именно этого консула должна состоять в том, что

территория его юрисдикции была растянута больше всех прочих и связь между отдельными ее частями была преимущественно водной. В противном случае для контроля за территорией консулу и приставу удобнее было бы передвигаться по суше, это по крайней мере не делало бы консула столь зависимым от погодных условий.

Территория Славянска-на-Кубани не вполне соответствует предполагаемым признакам. Во-первых, в настоящее время в округе вполне возможно передвижение по суше. (Контраргумент - в средневековые берега здесь были значительно более болотистыми). Во-вторых, передвижение по протокам Кубани на крупном судне в этих местах очень рискованно из-за множества тупиков, мелей, из-за совершенной мутности воды и быстрого течения. В-третьих, если бы лов рыбы в тех самых сказочно огромных количествах происходил именно в окрестностях Славянска-на-Кубани, то суда, движущиеся по весьма узким протокам, неизбежно портили бы множество снастей.

В том случае, если Копя находилась на побережье Темрюкского залива, такое предписание выглядит не только уместным, но и необходимым. Самый продуктивный здесь участок промысла - это узкая полоска прибойного вала, тянущаяся между заливом и заросшими камышом плавнями. В то время передвигаться здесь было удобнее всего по воде на расстоянии около 500 м от берега, на судне с парусной и весельной оснасткой. В этом случае контроль за промыслом и торговлей мог быть максимально эффективен.

Главный же аргумент против локализации Копы в районе Славянска-на-Кубани - это то, что самыми удобными местами для лова рыбы являются гирла с прилегающими участками моря и лиманов. Именно эти места доступны и для морских судов. И было бы странным, если бы генуэзцы (впрочем, наверняка не они основали Копу) проигнорировали удобное место и выбрали для торговли такое труднодоступное с моря, как Славянск. Даже сам по себе тот факт, что Копя регулярно обозначалась на портоланах также свидетельствует о том, что она находилась именно на морском побережье.

Очевидна некоторая искусственность такого разделения использования термина, однако в целом создается впечатление, что «ло Коппа» и «Копарио» не являются синонимами, но значения их частично пересекаются. Скорее всего, в XV в. «Копарио» было просто более широким термином, чем просто «ло Коппа».

В нашем распоряжении есть только часть опубликованных карт. Наиболее доступное читателям и удобное для проверки их собрание опубликовано Е.Фелицыным [36]. Сокращения названий карт сохранены вслед за Е.Фелицыным, но к буквенным сокращениям добавлены датировки цифрами: Венецианская анонимная карта XIII в. (Вн.XIII); Карта Петра Вессконте, 1318 г. (Вс.1318); Карта венецианцев Франциска и Доминика Пицигани, 1367 г. (П.1367); Каталонская анонимная карта, 1375 г. (К.1375); Итальянская анонимная карта XV в. (И.XV); Карта Грациоза Бенинказы из Анконы 1480 г. (Б.1480); - Карта Фредуче из Анконы, 1497 г. (Ф.1497).

На портоланах синхронных Копе в районе дельты Кубани (на Азовском

побережье) присутствуют 2 названия с этим корнем: просто СОРА и LOCİ СОРА. Обычно слово Сора выделяется красным цветом или подчеркиванием, что свидетельствует о наличии здесь поселения (есть редкие исключения - [52,р.47]). Примечательно, что слово «loci» можно расценивать как латинское, пот.pl. от locus, и, следовательно, переводить его как «деревни», «местечки» и т.п., подвластные Копе. Устье Кубани всегда обозначалось на северной стороне Таманского полуострова, хотя на южной стороне полуострова могло присутствовать безымянное устье, которое может соответствовать Кизилташскому гирлу. Тот факт, что на самой ранней и, соответственно, меньше всего искаженной при многочисленных копированиях карте loci chora располагается южнее, чем lo cici, скорее всего отражает реальную ситуацию. Однако если местечек подвластных Копе было несколько, то картографам было безразлично, насколько они сместят название. Более того, было бы логичнее ставить подпись именно там, где находится самое удаленное от Копы местечко. При таком понимании значения названия loci chora вполне можно допускать, что lo cici также входит в число этих поселков. На картах XV в. на южной стороне Таманского полуострова начинают очень выразительно обозначать залив, который, скорее всего, соответствует Кизилташскому лиману. Это может означать и перемену русла, и распространение практики плавания по этому лиману. Особого внимания заслуживают острова дельты Кубани, обозначавшиеся напротив основного русла. Вполне очевидно, что это не те новообразованные острова, которые имеются на основном (Темрюкском) гирле в настоящее время, т.к. последнее было сделано искусственно только в 1819 г. [3,с.104,105]. Примечательно, что на картах XIII-XIV вв. в дельте обозначался только один остров, а в XV в. - два, причем юго-западный больше по размеру (Ф1497).

На портоланах даются следующие обозначения, существенные для идентификации со средневековыми поселениями (рис.1).

Вн.XIII - левый берег Кубани - chora, правый берег - locichora, loci oi.

Вс.1318 - левый берег Кубани - сора, правый берег - cici, cicsora.

П.1367 - левый берег Кубани - сора, правый берег - an, locipoca.

К.1375 - левый берег Кубани - сора, правый берег - locichi, locisara.

Б.1480 - правый берег Кубани - chora, безымянное устье, ciry или lo cici, lo Cincora.

Ф.1497 - правый берег Кубани - LOCUPA, locici, laticora.

И.XV - правый берег Кубани - сора, s.corra.

Расположение названий свидетельствует о том, что собственно Копе находилась при основном устье Кубани, располагавшемся в районе современного, но все же не на его месте, скорее всего, на левом берегу. Местечки подвластные Копе (видимо, это название соответствует Копарио Устава) располагались на участке от этого устья до гирла р.Протоки. Одно из них (Чичи) по крайней мере в XV в. должно было располагаться приблизительно в средней части этого участка - около Ачуевского мыса. Надпись loci chora на Вн.XIII расположена южнее Чичи, а на всех более поздних - севернее. Если

перемещение было только результатом ошибки при копировании, то больше доверия будет вызывать ранняя локализация. Возможно также, что смещение названия Iocі сора на север отражает постепенное заселение побережья Темрюкского залива в этом направлении.

Дополнительную информацию о положении города дает другой источник - анонимный словесный портолан XIII в. [53,р.136]. Его можно считать независимым от словесных портоланов, т.к. номенклатура пунктов существенно отличается от того, что представлено на картах, а по имеющемуся описанию изобразить береговую линию невозможно.

Точность этого источника не стоит преувеличивать, т.к. расстояния между пунктами на Азовском побережье даны округленно, с точностью до 5 или 10 миль, а направления движения весьма приблизительно и только по одному, даже в тех случаях, когда движение по прямой невозможно. Мили здесь, как и на масштабе рисованных портоланов, короткие 1230 м. Имеено такому размеру мили соответствуют несколько надежно проверяемых расстояний, например, от мыса Меганом до Судака и от Белосарайской косы до Должанской косы и др. Однако в ряде случаев указанные расстояния существенно больше реальных. Создается впечатление, что или округление расстояний все время шло в сторону увеличения, или часть расстояний измеряли милями меньшего размера. Приведу только фрагмент этого источника с расстояниями от Копы до ближайших пунктов, которые могут быть более или менее точно локализованы. Таковыми являются Матрега (Тамань) и Тарио (Должанская коса).

От мыса Матреги до Матреги - 20 миль на ССВ. [24,6 км]	De lo capo de Matrega a Matrega XX millara entre greco e tramontana.
От мыса Матреги до Пондикоперы - 40 миль на С. [49,2 км]	De lo capo de Matrega a Pondicopera XL millara per tramontana.
От Пондикоперы до Копы - 60 миль на В с отклонением в 1/128 окружности к С. [73,8 км]	De Pondicopera a Copa LX millara per levante ver lo greco pauco.
От Копы до Пексерии - 40 миль на ССВ. [49,2 км]	De Copa a Pexeria XL millara entre greco e tramontana.
От Пексерии до Пексе - 90 миль на ССВ. [110,7 км]	De Pexeria a Pexe XC millara per tramontana ver lo greco.
От Пексе до Тарио - 100 миль на ССВ. [123 км]	De Pexe a Tario C millara per tramontana ver lo greco.

Расстояние от Матреги до мыса Матреги позволяет сказать, что в понимании автора этого справочника последнему соответствует м.Панагия (рис.2).^{*3} Тогда Пондикопера находится на СВ оконечности Керченского полуострова,

где она и обозначалась на рисованных портоланах. Связать этот пункт с каким-то конкретным поселением в настоящий момент не представляется возможным. Если провести приблизительно прямую линию от м.Панагия на С на 40 портолановых миль, то конечная точка получится далеко в Азовском море. Однако с учетом неизбежного обхода островов и косы Чушка, а также сильного течения из Азовского моря в Черное, предложенное расстояние выглядит вполне реально. В результате точность локализации Пондикоперы для нашей задачи достаточная. Если дальнейший отсчет вести от крайней СВ точки крымского побережья Керченского пролива, то точка Копы придется на пространство восточнее участка Голубицкая-Темрюк. Более точное соответствие Копы и Голубицкой только в том случае, если допустить дальний обход мели напротив Пересыпского гирла или заход в Ахтанизовский лиман.

В северном направлении сумма расстояний при каботажном плавании от Копы до Тарио также существенно превышает расстояние от Долгих островов до участка Голубицкая-Темрюк (рис.3). Следовательно, искомую точку расположения Копы надо смещать к западу от точки, рассчитанной от Пондикоперы. Промежуточными пунктами в сторону Тарио можно считать поселение у Сладковского гирла (или Ачуевский мыс) и группу поселений: Кагаты, Ясенская балка, Шиловка (якорная стоянка для всех трех могла быть только одна - напротив с.Шиловка). Расстояние от Голубицкой до Сладковского гирла по прямой весьма точно соответствует указанному в портолане. Реальное расстояние от Сладковского гирла до Шиловки меньше указанного, точно соответствовать указанному в портолане оно может только при плавании вплотную к берегу с заходом в Ахтарский лиман или при отходе далеко в море. От Пексо (Пешо) до Тарио (Тар Магно) даже направление в портолане указано неверно, погрешность расстояния также максимальна, даже если допустить, что якорная стоянка находилась на северной стороне Должанской косы и плавание в обход Долгих островов проходило очень далеко от берега. И все же оптимальная локализация Копы приходится на район ст.Голубицкой, а от версии о ее расположении в Славянске-на-Кубани можно отказаться.

Для понимания смысла изображаемого на портоланах побережья обратимся к географии региона, в настоящее время несколько измененной по отношению к XIII-XV вв. (рис.2). Современный Таманский полуостров представляет собой группу отдельных островов, количество и размеры которых изменялись. Границами этих островов были протоки Кубани и лиманы, а не обширные морские пространства. Поэтому при взгляде с моря Тамань воспринимается, как целостный участок суши. На северную часть Таманского полуострова выходят 4 отдельных острова, на которых могла находиться Копа. Строительство города (и любого поселения вообще) имело смысл при устье какой-либо протоки на одном из четырех островов. Наиболее предпочтительным было расположение города в восточной части островов, т.к. это наиболее безопасный участок. (В этом случае нападение с суши можно было вести только через водную преграду). Самый западный и самый восточный из них едва ли подходят для поисков. Первому не соответствует расположение Копы

ни на рисованных, ни на словесных портоланах. Последний - болотистый в мористой части, а его возвышенная гряда доступна для нападения с суши. Удобные места для укрепленного поселения в восточной части этого острова расположены слишком далеко от устья Кубани, что исключает попадание такого поселения на портоланы. Следовательно, участок поисков ограничивается Пересыпским гирлом на западе и средневековым Темрюком на востоке.

Вернемся к маленьким островам дельты Кубани, обозначенным на портоланах. Сейчас никаких островов видимых с моря (кроме упомянутых новообразованных) здесь нет. Существует определенная вероятность того, что это небольшие наносные острова средневековой дельты, которые в настоящее время совсем исчезли. Однако если мы представим себе, как могло проходить основное русло в XIII-XV вв., то эти острова будут определяться вполне конкретно. Естественно, основной сброс вод должен был проходить через Ахтанизовский лиман. В настоящее время сток из этого лимана идет через Пересыпское гирло, вероятно, оно существовало и в XIII-XV вв. Кроме того еще 2 протоки вели из лимана в Темрюкский залив: одна расположена восточнее средневекового Темрюка [12, с.89-91], другая - восточнее ст.Голубицкой [13, с.307]. Вполне возможно, что карты отражают появление нового острова. Это могло произойти на рубеже XIV-XV вв., как следует из портоланов, или раньше, т.к. информация на них существенно запаздывает. Возникновение второго острова и перемещение на портоланах слова Сора с левого берега Кубани на правый приблизительно совпадают по времени, что не случайно. Вероятно, Копа находилась на одном из этих островов.

Информация для локализации Копы содержится также и в источниках, относящихся ко времени турецкого завоевания и более поздних. Если отнести именно к Копе, как это делает А.М.Некрасов, неоднозначное упоминание о захвате Яну-кермана в сочинении Нешри («Послав в ту сторону корабли, завоевали находящиеся на том берегу крепости Азак и Яну-кирман, дойдя до самой Черкесии») [25, с.42], то получается, что это именно крепость на морском побережье (Черкесия, по приблизительно синхронным сведениям Георга Итериано, начиналась сразу в камышах плавней Кубани) [1]. Во время повторного завоевания восточного побережья Черного и Азовского морей в 1479 г. упоминается захват Кубы, «которая является одной из знаменитейших крепостей», со всеми окружающими землями, разорение черкесских владений и взятие Анабы [25, с.52]. Следовательно, поход также ограничивался прибрежной зоной, а Копа в это время была крепостью.

8 июня 1487 г. в Копе было написано письмо Захарии Гизольфи Ивану III, что также свидетельствует о ее расположении недалеко от Тамани [25, с.66; 32, с.72].

Одно из последних упоминаний Копы содержится в русском источнике - материалах посольства Б.Я.Голохвастова 1519 г., где говорится о строительстве турками при поддержке крымского хана города на берегу залива Темир-Бугуз, в Кубе [33, с.667-668]. А.М.Некрасов связал эти сведения с возведением крепости Темрюк [25, с.88-89], что выглядит весьма убедительным, т.к. дата

строительства совпадает с указанием на время в тексте надписи на закладной плите Темрюка, переданном Эвлией Челеби [38,с.46]. Однако согласиться с тем, что под Кубой в данном случае подразумевается река, трудно, т.к. в отечественных источниках всегда говорится о строительстве городов «на , «при , а не «в реках. К тому же точное указание на время пути до Кубы, полученное Борисом Яковлевичем еще в Азове («а от Керчи государь до Кубы днища [33.с.667]), скорее, свидетельствует о том, что речь идет о городе, а не о реке со многими гирлами. Добраться за 1 день по воде от Керчи до Славянска-на-Кубани или Трудобеликовского (где был Старый Копыл) в то время было просто невозможно (не менее 180 км, в разных направлениях, в т.ч. против течения). Обращаю внимание на то, что это самая точная из известных мне привязка города, т.к. местоположение поселения средневекового Темрюка известно точно [12].

К первой половине XVI в. относятся 2 османских налоговых постановления (канун-наме), в числе прочего касающиеся Копы: 1542/43 гг. и его более ранняя редакция, относящейся, вероятно, ко времени около 1529 г. [44,р.79-80 (XIV); ср.:45]. Это свидетельствует о том, что город просуществовал почти до середины XVI в. Из текста следует, что характер торговли практически не изменился с генуэзского времени: Копа оставалась в первую очередь местом рыбного промысла. Также в регламенте Копы оговорен случай, когда торговец берет бочку керченского вина и едет в Азак [44,р.79(XIV,1); 45,р. 139]. Это практически исключает расположение Копы в Славянске-на-Кубани.

Примечательно, что если не считать постановлений турецкого налогового ведомства, то исчезновение упоминаний Копы совпадает с появлением в источниках Темрюка. Сохранение названия Копы в отмеченных канун-наме может быть просто результатом консервативности законодательных актов. Возможно также, что Копа и Темрюк располагались настолько близко, что судно, стоящее на рейде, можно было относить и к одному, и к другому городу.

Поэтому имеет смысл обратиться к данным Эвлии Челеби, относящимся к Темрюку, они также свидетельствуют в пользу близости Копы и Темрюка. Описание пришедших в упадок рыбных промыслов и торговли рыбой и икрой в Темрюке абсолютно соответствует тому, что мы знаем о Копе «генуэзского времени. Запустение порта Эвлия Челеби связывает с какими-то береговыми процессами, приведшими к изменению направления движения судов.

«Со стороны кыблы - река Кубань. С восточной стороны есть большое озеро, наполняемое из реки Кубани, мелкое, но пресное. Прежде стамбульские суда приставали к крепости Темрюк, пристань была большая, [здесь] жил таможенный чиновник. Сколько сотен судов с соленой рыбой, сколько тысяч бочек рыбьей икры заготавливали и на судах отправляли во всех направлениях! А теперь из-за того, что пролив закрыт и не могут проходить суда, таможня лишается пятидесяти юков акче дохода. Если в эту местность придет падишахский флот и пролив Чочка легким усилием будет открыт, то ежегодно у казны будет постоянный морской порт [38,с.47].

Из этого следует, что порт средневекового Темрюка мог находиться не

только на морской стороне, в Темрюкском заливе, но и в Ахтанизовском лимане, где находилось в то время русло Кубани. Возможность стоянки судов в лимане имеет в действительности очень существенное значение. В этом месте (на всей северной стороне Таманского полуострова и прилегающем участке дельты Кубани) большим морским судам лучше всего не подходить к побережью, а стоять все время на рейде, на расстоянии не менее 1 км от берега. Для их разгрузки нужно большое количество лодок и мелких судов, которым во время шторма необходимо прятаться в гирлах или лиманах.

Для понимания причин упадка «морского» порта в Темрюке существенно понять, что значит «пролив Чочка» в тексте «Книги путешествия», закрытие которого сделало невозможным движение больших «стамбульских» судов к Темрюку при том, что морской рейд оставался столь же доступным, как и прежде. Очевидно, что мыс Чочка «Книги» вполне точно соответствует современной косе Чушка [38, с.51], однако во время написания сочинения Керченский пролив был совершенно подходящим для плавания и, следовательно, его северная часть (напротив косы Чушка) не могла называться проливом Чочка. Следовательно, под этим именем скрывается какой-то пролив, ведущий из моря в Ахтанизовский лиман.

При этом турецкий путешественник сообщает о принципиальной возможности плавания по Кубани из Черного моря до Темрюка: «По реке Кубани плавают суда. Они могут доходить до крепости Темрюк и до острова Йыланлы и, если хотят, могут подниматься вверх» [38, с.51]. Во времена Эвлии основное (и единственное судоходное) устье Кубани проходило через Кизилташский лиман, который он называет Адахун. Следовательно, этот путь был недостаточно удобен для того, чтобы Темрюк был морским портом. И все же реальное плавание вверх по Кубани доходило до Темрюка, где, следовательно, и надо искать Копу.

В связи с этим интересно проследить представления самого турецкого путешественника о местной географии, в то время менее измененной относительно XV в. Современный Таманский полуостров он считал группой островов, что соответствовало действительности. Остров Таман - южная часть современного полуострова, окруженная Черным морем, Таманским заливом и Кизилташским и Ахтанизовским лиманами. (Во всяком случае именно этой части суши более всего соответствует приведенный Эвлией периметр острова Таман [38, с.42]). Остров Адахун - северная его часть, ограниченная Азовским морем, Ахтанизовским лиманом, Субботинным ериком (или Шемарданским рукавом, что менее вероятно) и опять же Таманским заливом. Под островом Йыланлы (Змеиный), скорее всего, понималась возвышенность, начинающаяся с холма грязевого вулкана, на котором расположен современный Темрюк, и продолжающаяся далее на ВЮВ вдоль берега Курчанского лимана. Впрочем, возможно, что под островом Йыланлы подразумевалась возвышенность, на которой сейчас находится станица Голубицкая, между Темрюкским заливом и Ахтанизовским лиманом, ограниченная Пересыпским гирлом на З и исчезнувшей протокой к В от станицы. Но это значительно менее вероятно, т.к. эту возвышенность турецкий путешественник называл населенной землей

Бербере [38, с.48]. Отдельным островом был Темрюк, с одноименным городом на нем [38,с.48].

Под заливом Чочка Эвлия Челеби понимал Таманский залив и часть Керченского пролива, поскольку только так можно объяснить его фразу о том, что Тамань окружена «с трех сторон черноморским заливом Чочка» [38,с.42]. Следовательно, прежде, в те времена, когда Темрюк был морским портом, существовал водный путь из Таманского залива в Ахтанизовский лиман. Именно этот пролив Эвлия Челеби и называл проливом Чочка. Потенциально этим проливом могут быть Шемарданский рукав, Субботин ерик. Последний оказывается самым предпочтительным. Следовательно, помимо морского пути в Темрюк (и Копу) были возможны по крайнее мере два речных: через Кизилташский лиман и Таманский залив Субботн ерик.

Это наблюдение существенно для того, чтобы объяснить правдоподобность сведений о подъеме Луки Тариги вверх по реке на 28 миль к Копе, расположенной на побережье моря, если этот факт удастся подтвердить данными источника. Его движение могло начинаться у «устья Таманского залива или в устье Кизилташского лимана. В первом случае при движении почти по прямой через 28 миль (около 50 км) можно было достигнуть участка Голубицкая - Темрюк. Во втором случае маршрут был криволинейным и восстановить его точно невозможно из-за изменчивости русел, однако подобный результат также мог быть достигнут.

Замечателен и еще один факт, приведенный турецким путешественником - в полчасе ходьбы от Темрюка, на земле Бербере, располагалась старая крепость, по его легенде разрушенная Тимуром [38,с.48]. Его поразила грандиозность сохранившихся сооружений. Наличие здесь мусульманских могил позволяет говорить о существовании города незадолго до строительства Темрюка. Описанные развалины совершенно однозначно соответствуют поселению на территории ст.Голубицкой.

И даже более поздние источники сохраняют некоторые факты полезные для понимания того, что такое Копе, Копарио, и где они находились. Арби де ла Мортэ, информация которого относится приблизительно к 1711 г., сообщает, что замок Темрюка назывался Ада (остров) [1,с126], а местность с этим же названием вытянута полосой на север от Темрюка [1,с.127], что соответствует побережью до устья Протоки (Ачуева) или до Приморско-Ахтарска. Ферран, чьи сведения относятся к 1709 г., прямо называет р.Кара-Кубань (Протоку) границей области Адда с центром в Темрюке [1,с.110-111]. Шарль Пейсонель, хорошо знавший обстановку в регионе в 50-е гг. XVIII в., сообщает, что портом (плохим) Темрюка был Берберземин (Бербере Эвлии Челеби), соответствующий ст.Голубицкой [1,с.190]. Приведенная им характеристика торговли Темрюка более всего соответствует Копе, а Копыл, по его данным, представляется совершенно сухопутным торговым центром, где пошлины берутся с возов товаров [1,с.191]. Следовательно, в более позднее время побережье Темрюкского залива представляло собой область с активными внутренними связями, область и ее центр носили одно название, этот центр - Темрюк и

Голубицкая. Заманчиво распространить эти условия и на XV в.

Перед попыткой связывать с искомым городом конкретные поселения следует еще раз охарактеризовать те признаки, которые должны быть ему свойственны. Это должно быть непременно большое поселение, расположенное поблизости от Ахтанизовского лимана, на котором широко представлены материалы XII-XV вв. В небольшом количестве здесь должна быть представлена керамика комплекса Кабарди (1240-1260), т.к. большинство приазовских поселений этого времени - небольшие. Материалов XV в. также не может быть очень много. Для сравнения можно вспомнить, что великая Тана XV в. - это поселение площадью не более 2,5 га, где материалов этого времени очень мало.

Тогда нам предстоит сделать выбор всего из двух поселений - Большого Голубицкого 1 и поселения Темрюк-1, соответствующего средневековому Темрюку, крепость которого начали возводить в 1519 г. Надежность определения обусловлена тем, что территория Таманского полуострова обследована археологическими разведками с исчерпывающей полнотой [26;27 и др.]. Из всех поселений заданным характеристикам соответствуют только два.

Раскопки средневекового Темрюка не проводились, но здесь производились сборы подъемного материала. Я.М.Паромов на основании этих материалов отнес поселение к XIV-XVIII вв. [26,с.673-676; 27,л.29-30]. Однако датирующими вещами для XIV в. были фрагменты горизонтальных ручек от урн и фрагменты, предположительно отнесенные к амфорам [26,с.675].

Урны в действительности относятся к XVII-XVIII вв. (Ошибка произошла из-за того, что автор опирался на работу Е.А.Паршиной, где беспаспортные сосуды такой формы были безосновательно отнесены к XIV в. [28,с.63-64,рис.7]). При беглом осмотре поселения в 1998 г. мне удалось найти только 2 фрагмента керамики, которые могут относиться к XIV в. (как, впрочем, и к более позднему времени). Материалы же XVII-XVIII вв. представлены на памятнике очень широко. Хотя в настоящее время преждевременно отказываться от датировки ранних материалов городища Темрюк-1 XII-XIV веками, вероятность тождества его с Копой менее вероятна.

Огромное поселение 1 в ст.Голубицкой по подъемному материалу датируется широко, вплоть до XV в. [26,с.664-665; 6,л.3]. Здесь проводились раскопки в течение 4-х полевых сезонов на 4 разных раскопах - в 1978 и 1985 гг. под руководством А.К.Зайцева и в 1990 и 1991 гг. - под руководством О.В.Богословского. Раскопы закладывались только на незастроенной восточной части поселения, называемой Суворовским редутом, и рядом с ним. Это место более всего пострадало во время фортификационных работ в XVIII в. Слой на большом раскопе 1978 г. был пройден на глубину 1,8 м. Удалось просмотреть коллекцию из раскопок, которая сейчас временно хранится в ГИМе. Все пройденные слои переотложены, вероятно, во время фортификационных работ. Найденная керамика относится к античному времени (небольшое количество) и к XI-XIII вв., причем амфоного материала XI в. в верхних штыках больше, чем в нижних. В целом же здесь все было перемешано в результате

подсыпки слоя для повышения уровня редута. У самого дна был найден фрагмент селадонового сосуда, относящийся, вероятно, к XIV в. и первые признаки непотревоженного слоя.

О раскопах О.В.Богословского, которые были доведены до материка, можно судить по имеющимся отчетам [6;7]. Они показывают, что слой на исследованных местах почти полностью перемешан, по крайней мере амфоры второй половины XII в. встречаются даже на уровне материка [6,а,л.3; 7,л.24]. Находки, которые могут быть онесены к XIV-XV вв. очень малочисленны, о чем можно судить даже по редкости поливной керамики (всего 112 фрагментов на 300 кубометров слоя), часть которой - византийская белоглиняная XI-XII вв. (17 фрагментов) [6,а,л.45]. Следовательно, центральная часть поселения в XIV в. находилась где-то за пределами Суворовского редута. Во время осмотра городища в 1998 г. мне удалось найти здесь фрагмент поливной чаши предположительно каффинского производства XV в. (рис.4). Как видим, Голубицкое городище наиболее точно соответствует Копе письменных источников.

Во время разведочных работ 1998 г. был исследован отрезок Азовского побережья от Темрюка до Приморско-Ахтарска, т.е. тот участок, где должны располагаться *Lo Cici* и *Locì Sora* (рис.3). Наиболее подходящим для первого является размытое поселение у Сладковского гирла. Помимо всего прочего именно с этого участка побережья шел самый короткий водный путь через плавни в степь, к хутору Черный Ерик, от которого далее начиналась узкая полоска сухой твердой земли, ограниченная с обеих сторон плавнями и ведущая в степь. На окраине Черного Ерика расположено поселение XIV в. и относящийся к нему курганный могильник черкесского облика. Именно из поселения у Сладковского гирла консулу было удобнее всего отправляться к владетельным особам Зихии.

На всем остальном побережье остается только одно поселение (также размытое), которое можно связывать с названием *Locì Sora* - поселение у Чернычина гирла. Впрочем, если трактовать это название как собирательное, то это только самое большое из поселений подвластных Копе после Чичи.

Таким образом, наиболее вероятная локализация выглядит так. Копы - Голубицкое городище 1. Копарио (синоним - *Locì Sora*) - область приблизительно от Пересыпского гирла до оконечности Ахтарской косы. Крайнее крупное поселение, возможно, носившее то же название - у Чернычина гирла. Другое крупное поселение области Копарио - Чичи, у Сладковского гирла (рис.3).

Сразу же следует оговорить еще одно направление локализации. Сведения о «вторичном основании Копы, видимо, были достаточно широко распространены в среде картографов. Достаточно широко для того, чтобы отразить их на составляемых картах. Схематично показанное на портоланах каталонского стиля русло Кубани вполне позволяло отсчитать по нему 280 миль и поставить знак крепости. Эта крепость могла быть безымянной (K1375) или иметь образное название, данное самими итальянцами (поскольку жители Среднего Прикубанья вряд ли говорили на вульгарной латыни): Крепкий Город - *Civitas Contans* (P1367). Существуют поздние карты, где этот город назван

35

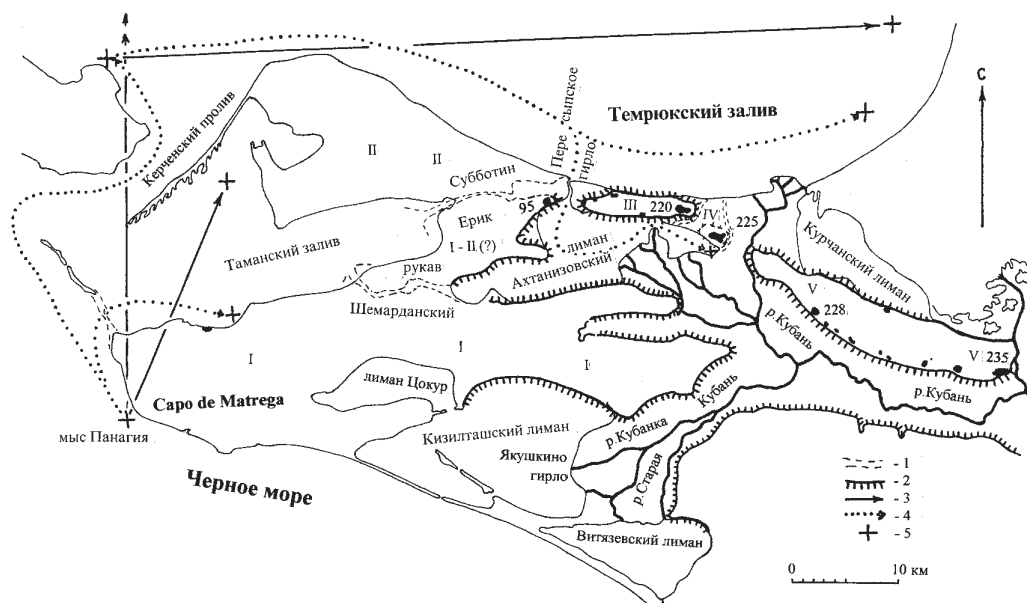

Рис.2. Карта Таманского полуострова. Условные обозначения: 1 - исчезнувшие протоки Кубани; 2 - обрывистые берега, показывающие границы между островами; 3 - векторы направлений маршрута по словесному портолану XIII в.; 4 - оптимальные криволинейные пути по словесному портолану XIII в.; 5 - условные стоянки, рассчитанные по словесному портолану XIII в. Расположение конечных точек прямых и криволинейных маршрутов показывает, что реальные расстояния меньше указанных в источнике.

Римскими цифрами показано предположительное расположение Таманских островов по Эвлии Челеби [38]: I - остров Таман; II - остров Адахун; III - остров (земля) Бербере; IV - остров Темрюк; V - остров Иыланла.

Номера памятников соответствуют археологической карте Я.М.Паромова [26]. 95 - Ахтанизовская 4, сельское поселение VI в. до н.э. - III в. н.э. и X-XIII вв. (средневекового подъемного материала мало); 220 - Голубицкая 1, городище XII-XV вв.; 225 - Темрюк 1, городище XIV-XVIII вв.; 228 - Темрюк 4, поселение VI в. до н.э. - I в. н.э.; 235 - Красный Октябрь 1, городище IV в. до н.э. - XIII в. н.э. (средневекового материала мало)

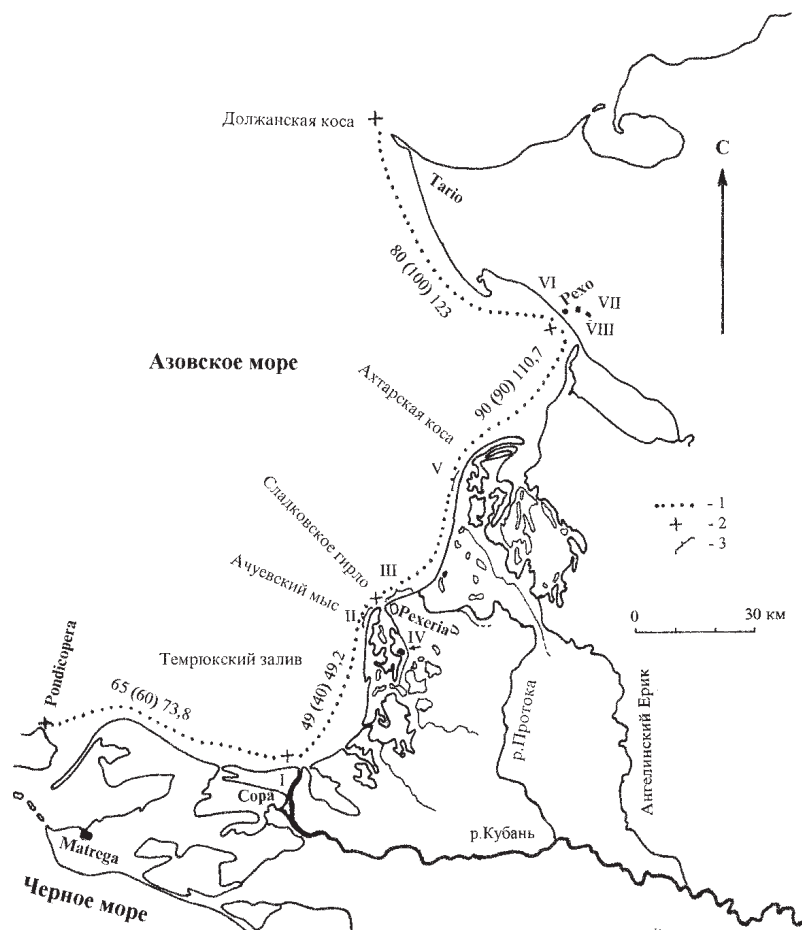

Рис.3. Азовское побережье (топография 1940 г.) с показанием средневековых поселений XIII в. и маршрута по словесному портолану. условные обозначения: 1 оптимальные криволинейные пути по словесному портолану XIII в. (векторы направлений не показаны, т.к. реальные расстояния существенно меньше заданных); 2 условные стоянки, рассчитанные по словесному портолану XIII в.; 3 участки концентрации находок средневековой керамики на прибойном валу. На участках между стоянками даны расстояния реальные в километрах, расстояния по тексту портолана в милях (в скобках) и в километрах. I Голубицкая 1 и Темрюк 1; II участок от Ачуевского мыса до Сладковского гирла, материал XIV-XVII вв. в ЮЗ части и XIII-XIV вв. в СВ части; III участок от Сладковского гирла до устья Протоки, материал XIII-XIV вв.; IV поселение и курганный могильник XIII-XIV вв. в х. Черный Ерик; V участок от Чернычина гирла до Ахтарской косы, материал XII-XIV вв.; VI Поселение Шиповка (XIV в.); VII поселение Ясенская Балка (XIII в.); VIII поселение Кагаты (XIII в.).

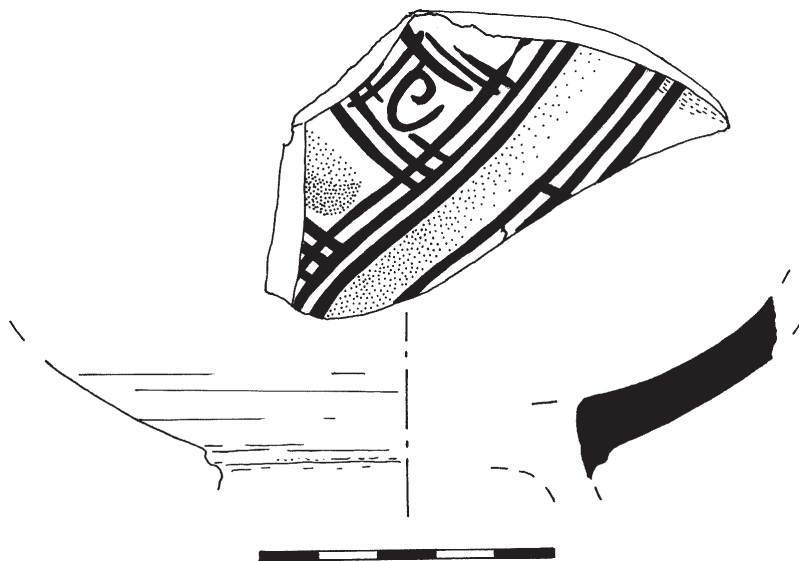

Рис.4. Фрагмент поливной чаши, предположительно, каффинского производства XV в. Гравировка по ангобу трехзубым резцом, желто-зеленая основная полива с расцветкой коричневым и зеленым. Формовочная масса желтовато-розового цвета с примесью шамота до 10%, ориентированными порами и карбонатными включениями. Поселение Голубицкая 1, сборы 1998 г.

Копой в искаженном варианте [58,fig.2]. На самых поздних картах его обычно называли Cogia [55,fig.21,tab.XLVI,XLVII,XLVIII]. Есть также карта, где этот город назван Кремуком (Cremus) [41,fig.4], что наверняка было следствием прочтения картографом книги Иосафата Барбаро и попытки связать безымянный город на карте с названием страны Кремук из сочинения венецианского путешественника [4,с.128,153(п.42)]. Е.И.Нарожный пытался даже связывать изображаемый на кртах город с конкретным поселением - Ильичевским городищем [23,с.10; 24,с.13]. Я же делаю это дополнение только чтобы обратить внимание на пункт, который появился на картах в результате использования рисовальщиками устных сведений о Копе. Это обозначение нельзя связывать ни с самой Копой, ни с реально существующими поселениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- *1) *Research project «Russians, Greeks, Italians and others on the Shore of Azov, 12-15th Centures» was supported by the Research Support Scheme of the OSI/HESP, grant N 971/1997.*
- *2) Исходный фрагмент текста Д.Серра (о плавании по Кубани) связывается с предыдущим (о плавании Л.Таруго) фразой о том, что следующая была не менее яркой (*La seguente impresa non fu meno ardita*), что и послужило причиной недостаточно обоснованного мнения о date события после 1374 г. Далее говорится о плавании на 280 миль вверх по Кубани до места [которое называется] Копа, где были две более мелких реки, и основании еще одной колонии, управляемой консулом (*...resalirono 280 miglia italiane contra la sua corrente nel lugo di Copa, ov'esso riceve due fiumi minori, stabilirono un'altra Colonia governata da un Console*). Характеристика места, увы, очень поверхностная. Двумя мелкими реками, если не обращать внимания на фантастическое расстояние от устья, вполне могут быть протоки у ст.Голубицкой и городища средневекового Темрюка.
- *3) Пользуясь случаем выразить благодарность Я.М.Паромову за консультацию по топографии Тамани и предоставление карты поселений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX вв. / Сост., ред., вступл. В.К.Гарданова. Нальчик, 1974.
2. Андрияш И.А., Заболотный Н.Л. Славянск-на-Кубани и Славянский район. Страницы истории. Краснодар, 1995.
3. Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области // СМОМПК.- Тифлис, 1887. Вып.23. О.1.
4. Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. /Вступ. ст., пер. и комм. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.
5. Бетров Р. Два очерка из истории адыгов: В помощь учителям-историкам, краеведам, студентам и учащейся молодежи. Нальчик, 1993.
6. Богословский О.В. Отчет о работе археологической экспедиции Таманского мезейного комплекса на городище в станице Голубицкой Темрюкского района Краснодарского края в 1990 г. Архив ИА РАН. Р.1. NN 15075, 15076.
7. Богословский О.В. Отчет о работе археологической экспедиции Таманского

- отдела Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника в 1991 г. в станице Гюблицкой Темрюкского района. Архив ИА РАН. Р.1. NN 17013.
8. Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Труды I АС в Москве. М., 1869. Т.2.
9. Брун Ф.К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879. Ч.1.
10. Виноградов В.Б., Польнькова Н.А. Греки в итальянских торговых факториях северо-восточного Причерноморья (XIII-XV вв.) // Понтийские греки. Краснодар, 1997.
11. Воевода П. Темрюкское рыболовство // СМОМПК. Тифлис, 1887. Вып.23.-О.2.
12. Воронов А.А., Паромов Я.М. Локализация средневекового города Темрюка / / СА, 1987. N4.
13. Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1870. Т.2. Вып.3.
14. Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв.- М., 1985.
15. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Каффы XIII-XV вв. Тюмень, 1995.
16. Зверев К.В. Темрюк. Краснодар, 1976.- 94 с.
17. Зевакин Е.С., Пенечко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // ИЗ, 1938. Вып.3.
18. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988.
19. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М., 1981.
20. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
21. Мошкович Г.Г. Освоение генуэзцами Черноморского побережья // Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996.
22. Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.
23. Нарожный Е.И. Прикубанье на итальянских картах XIV века // Историческое регионоведение - вузу и школе: Материалы 4 регион. науч.-практ. конф. Армавир, 1995.
24. Нарожный Е.И. Два бытовых памятника золотоордынской эпохи на Кубани (материалы к археологической карте) // Археология, этнография и краеведение Кубани. Мат. VI краевой конф. Армавир; Краснодар, 1998.
25. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV - первая половина XVI в. М., 1990.
26. Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 (Депонирована в ИНИОН РАН, Шифр: Деп. N47103).
27. Паромов Я.М., Воронов А.А., Николаенко Т.Д., Усачева О.Н. Отчет о работе по теме: "Разработка проектов охранных зон памятников археологии Таманского полуострова" в 1982 г. Архив ИА РАН. Р-1. №№ 8603, 8603а, 8603б.
28. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. - Киев: Наукова Думка, 1974.
29. Потоцкий И. Записка о новом перипле Понта Евксинского, равно как и о древнейшей истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии // Археолого-нумизматический сборник. М., 1850.

30. Приймак Ю.В. К вопросу о локализации генуэзской колонии Копы (Копарио, Локопа) и крымско-османской крепости Копыл (Капул, Каплу) // Историческое регионоведение вузу и школе. Тез. докл. V региональной научно-практич. конф.- Славянск-на-Кубани, 1997.
31. Приймак Ю.В. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV - первая треть XIX вв.).- Армавир, 1997. (Практические опыты исторического регионоведения. Вып.13).
32. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т.41. (= Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Т.I).
33. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1895. Т.95. (= Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Т.II).
34. Соловьев В.А. Суворов на Кубани 1778-1793. Краснодар, 1992.
35. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году / Изд. и комм. В.Юргевича // ЗООИД, 1863. Т.5.
36. Фелицын Е.Д. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник (Труды Кубанского Областного Статистического Комитета). Екатеринодар, 1899. Т.5.
37. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска.- Екатеринодар, 1910. Т.1.
38. Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1979. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья.
39. *Annali di geografia / A cura di G.Graberg // Scureria la vecchia. Genova, 1802. Т.II, N LXXXIV.*
40. *Atti della Societa Ligure di Storia Patria. Genova, 1879. Т.VII. P.2.*
41. Bagrov L. At the sources of the cartography of Russia // *Imago mundi: a review of early cartography. N.Israel; Amsterdam, 1962. Vol.XVI.*
42. Balard M. *Genes et l'Outre-mer. Т.1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290. P.; La Haye, 1973*
43. Balard M. *La Romanie Genoise (XII - debut du XV siecle).Genes; Rome, 1978. vol.2.*
44. Berindei M., Veinstein G. *Reglements de Suleiman Ier concernant le liva de Kefe // Cahiers du monde russe et sovietique. 1975. Т.XVI. N1.*
45. Berindei M., Veinstein G. *la Tana-Azaq de la presence italienne a l'empire ottomane (fin XIIIe - milieu XVIe siecle) // Turcica, 1976. 8/2.*
46. Bratianu, G.I. *Recherches sur le Commerce Genoie dans la Mer Noire au XIIIe Siecle. Paris, 1929.*
47. Bratianu, G.I. *La mer Noire. Des origines a la conquete ottomane. Monachii, 1969. (=Societas academica dacoromana. Acta historica. Т.IX).*
48. Bratianu, G.I. *Actes des notaires genoie de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siecle. Bucarest, 1927. (=Academie Roumaine. Etudes et recherches. Vol.II).*
49. Bruun F.K. *Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie // Memories de l'Academie de Sciences de St.Petersburg. VIIe serie. СПб., 1866. Т.X. N9.*
50. Bryer, A. *Twelfth spring symposium of Byzantine studies: «The Byzantine Black Sea», 18-20 March, 1978 // APXEION PONTOS.- Aphnai, 1979.- Vol.35.*
51. Canale M.G. *Della Crimea del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri commentari storici. Genova, 1855. Т.1.*

52. Harvey P.D.A. *Medieval maps*. L., 1991.
53. *Il compasso da navigare. Opera italiana della meta del secolo XIII / A cura di B.S.Motzo. Cagliari, 1947.*
54. Kretschmer, K. *Die italienische Portolane des Mittelaltres. Ein Beitrag zur Geschichte der Kartographie und Nautik // Veröffentlichungen Instituts für Meereskunde und des geographischen Instituts an der Universität Berlin. Berlin, 1909. H.13.*
55. Nordenskiöld A.E. *Facsimile-atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in XV and XVI centuries. Stockholm, 1889.*
56. Primaudaie E.F. de la. *Etudes sur le commerce du moyen age: Histoire du commerce de la Mer Noire et des colonies genoises de la Crimée. P., 1848.*
57. Serra, G.M. *La storia della antica Liguria e di Genova. Torino, 1834. T.IV.*
58. Winter H. *The Fra Mauro portolan chart in the Vatican // Imago mundi: a review of early cartography. N.Israel; Amsterdam, 1962. Vol.XVI.*
-
-

Фролов Б.Е.

Зав. историч. отделом музея — заповедника

ВВЕДЕНИЕ РЕВОЛЬВЕРОВ НА ВООРУЖЕНИЕ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

В 1871 г. в русскую армию вместо однозарядных, заряжаемых с дула, капсюльных пистолетов стал поступать револьвер системы Смита-Вессона образца 1869 г. Русские модели этих револьверов подразделялись на три образца принятые в 1871, 1872 и 1880 гг. (1, с.17).

На вооружении кубанских казаков в начале 70-х гг. XIX в. еще стояли кремневые «азиатские пистолеты, безнадежно устаревшие как в моральном, так и в физическом отношении. В казачьих частях не было ни мастеров для их ремонта, ни кремней, выделка и продажа которых в Кубанской области уже практически прекратилась, ни даже литейных форм (пистолеты заряжали дробью или выкованной вручную пулей).

Статус этого оружия прекрасно иллюстрируют многочисленные рапорта строевых командиров. Приведем лишь два из них. Командир Екатеринодарского конного полка докладывал в штаб Кубанского войска: «Казачьи пистолеты во вверенном мне полку содержатся в исправности насколько это возможно при их полной негодности к службе . Из рапорта атамана Темрюкского военного отдела: «При современном вооружении армий, настоящие пистолеты у казаков вверенного мне отдела азиатского образца, потерявшие всякое доверие к действительности выстрелов, в строгом смысле выражают собою всю ничтожность боевого оружия... (2, лл. 12,14).

Покупка револьверов за свой счет была (по причине их дороговизны) недоступной для рядовых казаков и очень обременительной для офицеров. В 1854 г., вероятно, почти все офицеры Черноморского казачьего войска «отказали себе в удовольствии приобрести револьверы полковника Кольта (в материалах архивного дела о выписке револьверов Кольта для Кавказского корпуса нет ни

одного согласия казачьих офицеров на их покупку) (3, л.22).

Правительство и сами казачьи войска оказались также не в состоянии снабдить револьверами всех строевых казаков. 17 августа 1874 г. было повелено пистолеты у нижних чинов конно-артиллерийских батарей Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского казачьих войск и у музыкантов конных полков этих войск и пеших батальонов Кубанского и Оренбургского заменить револьверами Смита-Виссона. 11138 револьверов заказали на Спрингфильдском заводе в Америке, из них 2151 револьвер для Кубанского войска (2, л.2). Расчет револьверам производился следующим образом: 570 - трубачам 30 конных полков, 156 - горнистам 5 пеших батальонов, 1425 - строевым нижним чинам 5 конно-артиллерийских батарей.

В 1876 г. револьверами были вооружены вахмистры конных полков и фельдфебели пеших батальонов казачьих войск (4). 10 июня 1878 г. войсковой штаб в ответ на запрос Артиллерийского управления Кавказского военного округа относительно образца револьвера кубанских казаков рапортовал: «Старшие вахмистры и трубачи конных полков, фельдфебели и горнисты пеших пластунских батальонов и все строевые нижние чины конно-артиллерийских батарей Кубанского казачьего войска вооружены револьверами системы Смита и Вессона 3-го образца (2, л.49). Исследователи оружейники утверждают, что в России Смит-Вессона 3-го образца был принят в 1880 г. (5). Очевидно, в документах речь идет об американском «револьвере 3-го образца 1869 г.», модернизированный вариант которого в 1871 г. начали поставлять в Россию (6, с. 28).

В 1876 г. штаб Кавказского военного округа зондировал вопрос о вооружении револьверами всех конных казаков Кубанского войска. Подсчеты, произведенные в войске показали, что замена казакам 30 конных полков (25440 чел.) собственных пистолетов на револьверы обойдется в 520 тыс. рублей и что войсковой бюджет не выдержит отнесение на его счет даже половины этой суммы (половина за счет государства). В итоге наказный атаман «приказал необходимым заказ револьверов отложить до улучшения состояния войсковых финансов (2, л.27). В то же время, просьба не требовать от казаков поступающих на службу собственных пистолетов азиатского образца была отклонена. Лишь в марте 1880 г. последовал приказ отменяющий этот оружейный анахронизм (7, л.50).

По приказу военного министра 1880 г. револьверы Смита-Вессона поступили на вооружение нестроевых нижних чинов, кроме обозных и казаков для прислуги (8). Кубанскому войску требовалось 668 револьверов. Часть из них передали из Киевского окружного Артиллерийского управления, а часть из конно-артиллерийских батарей, в которых число строевых чинов уменьшилось в связи с переформированием из 8-орудийного в 6-орудийный состав. Таким образом, в начале 80-х гг. XIX в. на вооружении конного полка Кубанского казачьего войска состояло 46 револьверов: 19 у строевых казаков (6 вахмистров, 13 трубачей), 27 у нестроевых казаков (4 писаря, по одному кантернармусу, причетчику, оружейному подмастерью, старшему обзорному и 19 мастеровым). В конно-артиллерийской батарее 263 револьвера: 254 у строевых и 9 у нестроевых казаков (9, л.85).

В связи с введением револьверов возник вопрос о способе их носки и

размещении патронов. Первоначально под револьвер переделывались пистолетные кобуры, офицерам «строили из глянцевої кожи кобур по образцу утвержденному наказным атаманом (10, л.124). Затем форменные патронташи и кобуры к Смит-Вессонам были выписаны за счет войсковых сумм. В 1884 г. циркуляр Главного Интендантского управления установил следующий способ носки револьверных патронов в кавалерийских частях: 8- в правой седельной кобуре, а для нестроевых в чемодане (11, л.1). Штаб Кавказского военного округа, учитывая отсутствие в казачьих частях седельных кобур, приказал 8 патронов иметь в седельном чемоданчике. В ответ из Кубанского войска сообщили, что у казаков нет и такого чемоданчика и просили разрешения разместить патроны в переметных сумах или в карманах шаровар. 9 апреля 1885 г. последовало распоряжение поместить патроны в переметных сумках.

До 1895 г. русские офицеры не имели уставного личного оружия и покупали его за свой счет. Приказом по военному ведомству 1895г. 156 на вооружение офицеров был принят 3-х линейный револьвер системы Нагана. Приказ 51 по Кубанскому казачьему войску от 11 апреля 1901 г. потребовал от казачьих офицеров неукоснительного соблюдения приказа военного ведомства и ношения «как в строю, так и вне строя, когда то положено... исключительно означенного образца (12).

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Федоров В.Г. *Эволюция стрелкового оружия*. М., 1938.
2. ГАКК. Ф.396, оп.1, г.1640.
3. ГАКК. Ф.315, оп.1, г.679.
4. ПСЗ. Собр. 2. Т.51. СПб., 1878. Ст.56336.
5. Федоров В.Г. Указ. соч.; Жук А.Б. *Револьверы и пистолеты*. М., 1983; Маркевич В.Е. *Ручное огнестрельное оружие*. СПб., 1994 и др.
6. *Револьверы и пистолеты*. Энциклопедия техники. М., 1992.
7. ГАКК. Ф.396, оп.1, г.3137; ПСЗ. Собр.2. Т.55. СПб., 1884. Ст.60690.
8. ГАКК. Ф.318, оп.1, г.2643.
9. ГАКК. Ф.396, оп.1, г.3325.
10. ГАКК. Ф.354, оп.1, г.146.
11. ГАКК. Ф.396, оп.1, г.4574.
12. ГАКК. Библиотека, №8227. Приказ Кубанскому казачьему войску 1901 г.

Бондарь В.В.
аспирант КубГУ

АРХИТЕКТУРА ЕКАТЕРИНОДАРА - КРАСНОДАРА: СТИЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В комплексном, системном осмыслении биографии каждого конкретного города одним из главных компонентов выступает история складывания его

пространственной среды, то есть планировочной основы, наполненной архитектурным содержанием. Правильное прочтение смыслового значения (точнее, множества значений) этого содержания, уяснение его особенностей, развивающихся, безусловно, на основе общих структурных закономерностей художественного языка зодчества, возможно посредством вычленения стилей - художественно-образных систем с едиными принципами, при помощи, средствами достижения идейно-художественной выразительности.

Поскольку архитектура каждого города является собой структурированное отражение его истории, соединяя в едином пространстве сооружения разных периодов его существования, постольку можно утверждать, что и архитектура Екатеринодара - Краснодара, прошедшего в своем развитии несколько качественно различных этапов, отразила черты исторического характера города.

Екатеринодар был основан на границе Российской империи в стратегически выгодном месте как военно-административный центр Земли Войска Черноморских казаков. Первоначальная застройка города - очень редкая, - охватывала практически весь диапазон жизни как самого городского поселения, так и почти изначально примыкавшей к нему крепости, и имела сугубо утилитарный характер: типовые казенные жилые постройки, оборонительные сооружения. Разумеется, никакой стилистической художественной идеей такая застройка не имела. Даже первое культовое сооружение Екатеринодара - походная Троицкая церковь - представляла собой обычный шатер из парусины, обложенный камышом.

Монументальная архитектура города началась с Войскового собора Во имя Воскресения Господня, построенного в крепости в 1802 г. Это был внушительных размеров деревянный храм, перекликающийся своим художественным решением с традициями храмового зодчества Украины и Дона: в плане греческий крест, составленный из шести восьмигранных трехъярусных столбов, увенчанных главками луковичной формы. В этом же стиле, а это, несомненно, «украинское барокко» (допускающее произвольное количество глав), была решена трехстолпная деревянная Екатерининская церковь (1814 г.). Можно лишь предполагать, что «барочными» были и построенные в 1815-1818 гг. деревянные церкви Во имя Св. Фомы, Св. Иоанна и Св. Дмитрия Ростовского - их изображения не сохранились.

Уже в жилых постройках начала XIX столетия прослеживаются классицистические черты: например, в сохранившихся в виде реконструкции дома атаманов Бурсака - четырех-колонный дорического ордера деревянный портик, треугольный фронтон, - и Кухаренко - треугольный деревянный фронтон с резьбой в тимпане, пилястры, имитация рустовки. Но о полном проявлении классицизма в екатеринодарской архитектуре можно говорить лишь применительно к 30-60-м гг. прошлого века, когда в обеих столицах и крупных городах империи этот стиль уже сдал позиции эклектизму. В качестве примеров классицизма в Екатеринодаре назовем здание войскового архива (1834 г.) с акцентированным четырьмя дорическими колоннами главным входом и двумя боковыми ризалитами с треугольными фронтонами, а также решенный без применения ордеров комплекс войсковой богадельни со Скорбященской церковью (1837-1872 гг., последняя

сохранилась) и церковь Во имя Св. Дмитрия Ростовского (1848 г.)

Архитектура Александро-Невского Войскового собора, строившегося более 20-ти лет и освященного в 1872 г. (архитекторы И.Д. Черник, Е.Д. Черник), имела как черты классицизма - подчеркнутая гладкость фасадов, центричность, монументальность, четкое членение объемов, - так и черты «русско-византийского» стиля, проявившиеся в килевидных закомарах, аркатурном поясе, шлемовидных куполах. Такие проекты были очень близки к «образцовым», применяемым во многих городах страны - налицо сходство екатеринодарского войскового собора с московским храмом Христа Спасителя, киевской Десятинной церковью и другими.

Определяющим для екатеринодарской архитектуры стилем, начиная с 70-х гг. XIX в., стал эклектизм, имевший тогда распространение практически повсеместно в России. Этот стиль, возникший из отрицания строгости и нормативности классицизма, провозглашал принцип использования мотивов различных художественных стилей в убранстве зданий. В Екатеринодар эклектизм был привнесен в своей «зрелой» форме, с уже давно сложившимися в крупных городах страны стилистическими приемами конструирования пространственной среды, исходящими из идей уплотнения застройки и роста этажности. Характерно, что разнообразие функциональных назначений зданий определило разнообразие форм екатеринодарской эклектики, хотя проявлялось это только в оформлении фасадов: декор в эклектизме раскрывал функциональное содержание сооружения без связи с внутренней планировкой. Ретроспективная сущность эклектики выражалась в декоративном (исключительно) подражании архитектурным мотивам минувших эпох. Например, готические формы отчетливо видны в решении южного и западного фасадов отеля «Централь» (1910 г., арх. Козлов), барочные и ренессансные - в решении главных фасадов «Гранд-Отеля» (конец XIX в.), романские - здания коммерческого училища (1912-1914 гг., арх. Мальгерб), в мотивах стиля «туркери» («турецкий» или «восточный») выдержан дом Рымаревича-Альтманского (нач. XX в.).

Элементы стилей «шинуазери» («китайский») и «египетского» не имели в екатеринодарской эклектике самостоятельного значения, но применялись в сочетании с мотивами иных исторических стилей. Можно сказать, что неороманский стиль, неоготика, неоренессанс, необарокко, «туркери», «шинуазери» и «египетский» стиль развивались в единых рамках эклектизма. В довольно большом количестве построек эклектические принципы прослеживаются с трудом: при отсутствии какого либо декора лишь традиционное для эклектизма ритмизированное членение фасада оконными проемами позволяет идентифицировать их со стилиевой точки зрения.

В конце первого десятилетия нынешнего века в гражданскую архитектуру Екатеринодара проникает новый стиль - модерн, существовавший с этого времени параллельно эклектизму. Базирувавшийся на достижениях научно-технического прогресса в области новых строительных материалов, конструкций и строительной техники, модерн предложил качественно новый тип связи между утилитарным значением здания и его художественным значением, но стремился достичь

эстетической выразительности путем художественного осмысления утилитарных элементов, учитывая их назначение. Такие принципы, а также «правда материала», «всефасадность» и примат пространства над объемом были полностью воплощены лишь в начальной, «романтической» базе развития русского модерна, прошедшей в Москве и Петербурге. В Екатеринодар же модерн пришел в своей рационализированной форме, приемлющей и плотную застройку и вкрапление элементов других стилей (в декоре). Подобного рода сооружений в течение всего нескольких лет было возведено в городе столько, что модерн уже мог составить конкуренцию эклектизму. В качестве примеров екатеринодарского модерна укажем здания Зимнего театра (1909 г., арх. Шехтель), водолечебницы и домов Фотиади и Каплана (1915, 1910, 1911, арх. Козлов).

В значительно меньшей степени, чем эклектизм и модерн, в архитектуре Екатеринодара начала XX в. наличествовал неоклассицизм. Большей частью он выражался в декоративном решении фасадов: использовании ордеров, имитации античной скульптуры и рельефов, меандрового орнамента. В то же время в единичных случаях классические каноны выдерживались полностью. Примером может служить, несмотря на «безордерность» фасада, здание 1-ой мужской гимназии (1906 г., арх. Петин) - подчеркнуто центричное, с объемом, явно преобладающим над пространством.

Чисто ретроспективную направленность имел русский национальный стиль, идейно-художественное содержание которого реализовывалось, прежде всего в архитектуре зданий культа. В 80-х гг. XIX - 10-х гг. XX вв. в Екатеринодаре этот стиль простирался от древнерусских мотивов крестовокупольных храмов (Воскресенская церковь, 1892 г.) до «московского барокко» (Троицкая церковь, 1910 г., арх. Мальгерб) и «византийских» стилизованных храмов (Екатерининский собор, 1914 г., арх. Мальгерб), причем, в отличие от гражданской архитектуры «неорусского» стиля, в храмовом зодчестве «национальные» черты имели не чисто декоративный, но и художественно-конструктивный смысл.

Развитие архитектурной мысли привело к складыванию в предреволюционные годы начатков нового стиля - конструктивизма, сложившегося в крупных городах России уже в советское время. В Екатеринодаре в 1916 г. было построено здание почтово-телеграфной конторы (арх. Косякин), близкое к конструктивистскому решению (в сочетании с элементами модерна и неоклассицизма). Это единственное сооружение такого рода - в 20-30-х гг. теперь уже краснодарская архитектура вернулась к эклектичным формам (напр., жилой дом 1926 г. по ул. Пушкина, 53), в единичных случаях - к неоклассицизму (многоквартирный дом по ул. Орджоникидзе, 69, арх. Ключков, 1940 г.), который перенес в 50-70-х гг. в псевдоклассицизм, копирующий лишь декоративные элементы классики (в основном коринфский и композитный ордер). Ярким примером псевдоклассицизма в Краснодаре является здание центрального универмага (1955 г.).

Массовое жилищное строительство 60-80-х гг. породило архитектурный рационализм (отрицающий декор и выделение главного фасада) - повсеместное внедрение типовых проектов многоквартирных домов. В том же направлении

унификации развилась архитектура зданий школ, детских учреждений, магазинов и т.д. Комплексы подобных сооружений сформировали пространственный облик новых жилищных массивов города - микрорайонов.

Наряду с рационалистической архитектурой в застройке Краснодара 60-80-х гг. встречаются отдельные здания, решенные в стиле «неоконструктивизм». Наиболее заметный неоконструктивистским сооружением является, несомненно, здание кинотеатра «Аврора» (1967 г., арх. Сердюков) с ясно выраженной архитектурной идеей, основанной на нетрадиционной геометрии объемов. Намного проще решено кубическое здание Дома Быта (1965 г.).

В конце 80 - начале 90-х гг. интересным явлением стало интенсивное индивидуальное жилищное строительство. Соединяя в себе и откровенный рационализм, и новую, «функциональную» эклектику, и модернизм, такая застройка определяет сейчас пространственный и архитектурно-художественный облик городских окраин.

Суммируя все высказанное, можно констатировать следующее: в екатеринодарской архитектуре художественные стили проявлялись синхронно их проявлению в общероссийском масштабе с начала XIX в. Фактически все стили были привнесены извне, в поздних стадиях своего развития, что определило довольно рациональный характер городской застройки - эклектичной, но адаптированной к ортогональной планировке. Ретроспективный подход к архитектурному решению зданий проявился в классицизме, эклектике, «национальном» стиле, нео- и псевдо- (в советское время) классицизме. В то же время декоративизм, как способ частично возрождения исторических стилей, сказался в эклектике, нео- и псевдоклассицизме, а также в «неорусской» гражданской архитектуре. В советское время художественные стилиевые идеи в краснодарской архитектуре прослеживаются нечетко «стильные» здания единичны, застройка чрезмерно рационалистична.

Корсакова Н.А.

ст. научный сотр. музея — заповедника

ЕКАТЕРИНОДАРСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ И КУБАНСКИЙ ВОЙСКОВОЙ МУЗЕЙ. К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Истории провинциальных российских музеев тесно связана с судьбами и деятельностью местной интеллигенции, отдельных ярких личностей. Ведущие современные кубанские музеи - Художественный имени Ф.А. Коваленко и Краевой исторический имени Е.Д. Фелицына были основаны на базе частных коллекций их создателей, подаренных ими городу Екатеринодару. Эти два музея в начале XX века стали ведущими учреждениями науки и культуры города

Екатеринодара.

Федор Акимович Коваленко /1866-1919/ родился в Полтавской губернии. В 1887 году переехал в гор. Екатеринодар, был небогатым служащим. Коллекционирование картин, предметов старины, монет, которым он увлекся, вскоре стало подвижничеством и в 1903 году он дарит свою коллекцию городу, став основателем Екатеринодарской картинной галереи, ее пожизненным попечителем /1/. Картинная галерея стала одной из первых на Северном Кавказе. «Всю мою коллекцию, состоящую из картин, древних монет и прочих предметов, я приношу в дар Екатеринодару - писал Коваленко в Городскую Думу /2/. В 1904 году, 11 апреля открылась городская картинная галерея, занявшая весь первый этаж Городской управы на улице Красной. Газета «Кубанские областные ведомости» сообщала о том, что в галерее представлены более 118 картин, писанных масляными красками, акварелей, гравюр и фотографий. Уже в первый день ее посетили тысячи екатеринодарцев. При галерее был также открыт и литературно-археологический отдел. На открытие художественной галереи отозвался известный русский художник И.Е. Репин, приславший на имя городского головы телеграмму - «Поздравляю. Желаю музею процветания и обогащения /3/. Второго мая он пишет Коваленко: «...нельзя не сочувствовать этому прекрасному учреждению. И я со своей стороны буду стараться чем-нибудь быть полезным Вашему благородному деду». В 1907 году картинная галерея переместилась в арендованный городом особняк Батыр-Бек Шарданова на углу улиц Красной и Графской.

В годы плодотворной деятельности Коваленко на посту почетного пожизненного Попечителя Екатеринодарской картинной галереи, Кубанским Войсковым музеем с 1910 по 1920 года заведовал войсковой старшина Иван Ефимович Гладкий /1861-1922/. Кубанский казак, староста Войскового Александра-Невского собора, он был большим сторонником сохранения памятников кубанской старины, сохранения и возрождения многих духовных традиций кубанского казачества; он также являлся автором трудов по археологии и охране памятников. Личность этих двух заведующих наших первых учреждений культуры мы можем оценить по музейным приказам, распоряжениям, письмам, фотографиям. Именно личность этих екатеринодарцев определяла суть, содержание и деятельность двух музеев. Острый ум, одаренность, художественность натуры, особое отношение к истории, старинным предметам, российским традициям и высокое чувство долга перед обществом и благородство объединяло этих людей. Наверное, на таких гражданах процветало и держалось наше Отечество и культура в начале XX столетия. Вот так подписана рукою Федора Акимовича его фотография, 13 июля 1909 года: «Природа украшается цветами, жизнь человека, его делами.

Грезы, мечты и страдания,
Жизнь унеси далеко.
Жить хочется без увядания
Дышать, свободно и легко... /4/

Это письмо в Городскую Думу в 1910 году пишет Иван Ефимович Гладкий: «...в заботах о судьбах музея, я обращаюсь с докладом о постройке специального здания для музея... Замечу, кто не изучает далекого прошлого, тот не может рассчитывать на успех в будущем... /5/

В начале XX века оба музея стали заметными учреждениями культуры на Северном Кавказе, они своей просветительной деятельностью, буквально питали кубанцев. В деятельности музеев было много общего - сбор и закупка экспонатов, организация их хранения, устройство выставок. По отчетам Кубанского Войскового музея, переписке можно судить о плодотворном сотрудничестве музеев. Картинная галерея с 1905 по 1916 годы проводила выставки картин и предметов литературно-археологического отдела. В фондах музея хранятся специальные Почетные билеты на такие выставки и письма - приглашения за подписью и.А. Коваленко в адрес заведующего Войсковым музеем /7/. Юбилейная, XV выставка картин художников Императорской Академии Художеств, состоялась 13 марта 1916 года. В переписке музеев есть сведения о том, что на этих выставках Войсковой музей приобретал картины или делал заказы на заинтересовавших художников. Таи после юбилейной выставки Войсковой музей приобретает картину художника Ступникова «Зимний вечер в городе Екатеринодаре в 1911 году На картине был написан уголок Екатеринодара из окна дома известного кубанского историка П.П. Короленко, который находился на углу Соборной и Бурсаковской с видом на строящийся семипрестольный Екатерининский храм. Картина была уступлена музею вместе с картиной «Арбуз за 75 рублей. В переписке музеев есть сведения о пожертвовании Войскового музея галерее. Так, 22 сентября 1916 года Ф.А. Коваленко благодарит Гладкого за подарок фотографии с видом улицы Красной в 70-е годы XIX века. В начале XX века музеи стали активно проводить просветительную деятельность в гимназиях и других учебных заведениях. Документы этого периода свидетельствуют об организации совместных выставок.

События революции и гражданской войны все изменили в России, многое они решили и в судьбах кубанских музеев. Похожими оказались судьбы заведующих музеем и коллекций. Документальный фонд обоих музеев свидетельствует о большевистских погромах, учиненных в помещении музея. Сохранился акт об этих событиях, составленный в 1918 году Ф.А. Коваленко /8/. Вот строки письма известного исследователя, общественного сотрудника Войскового музея Соколова от 30 декабря 1919 года. «... Глубокоуважаемый Иван Ефимович! Сегодня случайно читаю «Станичное слово и узнаю, что Вы здравствуете и находитесь во главе музея. Вы себе не можете представить, как я обрадовался, что дорогое мне учреждение осталось в надежных руках. Ну как там? Воображаю, как «товарищу пообчистили... /9/. В ответном письме Гладкий сообщает, что Войсковой музей был разгромлен, витрины разбиты и нетронутой оказалась витрина с войсковыми печатями, потому что она была обтянута красным сукном и «товарищи* приняли ее за свою, после хозяйничания

большевиков были даже разбиты сосуды с заспиртованными лягушками и выпит весь спирт. В 1919 году Гладкий обращается в Войсковое правительство выделить немного спирта, для приведения этих коллекций в порядок. Газеты 1919-1920 годов дают много сообщений о продаже на частных рынках антикварных предметов с ярлыками и номерами музеев.

В 1919 году от тифа умирает основатель картинной галереи Ф.А. Коваленко, в 20-е годы умирает И.Е. Гладкой.

В 1990 году краевому историческому музею было присвоено имя основателя Евгения Дмитриевича Фелицына, а в 1993 году Краевой художественный музей возвратил имя Федора Акимовича Коваленко.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Бардадым В.П. *Этюды о Екатеринодаре. Краснодар, 1992.*
 2. *Екатеринодар - Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Материалы к Летописи. Краснодар, 1993, с. 251.*
 3. *Там же, с. 251.*
 4. *Библиотека краевого Художественного музея. Архив Ф.А. Коваленко.*
 5. *Фонды КГИАМЗ. Отчет Войскового музея. 1911-1912 гг.*
 6. *Фонды КГИАМЗ. Отчеты Войскового музея 1914-1916 гг.*
 7. *Библиотека краевого Художественного музея. Архив Ф.А. Коваленко*
 8. *Фонды КГИАМЗ. Отчет Войскового музея 1918-1919 гг.*
-

Вниманию авторов!

Издание «Древности Кубани» публикует на своих страницах работы научно — исследовательского характера по вопросам археологии, истории и этнографии Кубани.

Направленные в издание материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами:

1. Работа подается в первом экземпляре (отпечатанном на машинке или принтере) (качество печати «хорошее») или в электронном виде на отдельной дискете (в любом распространенном редакторе).

2. Объем работы не должен превышать 1/2 авторского листа (12 машинописных страниц).

3. Печатный текст должен быть напечатан на белом листе бумаги формата А4, напечатан четким, контрастным шрифтом, размеры полей любые.

4. В объем рукописи включается: основной текст, примечания, список литературы, список подрисовочных подписей, таблицы всех типов, иллюстрации.

5. Иллюстрации принимаются только выполненные тушью или качественные копии. Иллюстрации черно — белые. Лист иллюстрации должен быть подписан с обратной стороны карандашом (автор, название рисунка или номер, название таблицы). При неясной ориентации иллюстрации, автор должен с обратной стороны подписать — «верх».

6. В тексте после заголовков знаки препинания не ставятся.

7. Примечания отмечаются в тексте звездочками и выносятся в конец статьи после заголовка «Примечания».

8. Список литературы подается на отдельных листах в алфавитном порядке под нумерацией от 1 ... В тексте ссылки на литературу оформляются следующим образом (1, с. 235), где 1 номер в списке литературы, 235 номер страницы. Оформляется литература в списке по ГОСТу:

1. Анфимов И.Н. Новые находки погребений кочевников XII - XIII вв. в Восточном Приазовье. // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1996.

10. Гадло А.В., Этническая история Северного Кавказа X - XIII вв. СПб., 1994.

14. ОАК за 1902 г.

9. В конце статьи должна стоять подпись, если текст находится на дискете должно быть подтвердительное письмо.

10. Возврат материала не гарантируем.

Составители

Подано в набор 09.12.98. Подписано в печать 11.12.98.

Гарнитура Ариал. Печать офсетная. Усл. п.л. .

Заказ 497. Тираж 100 экз.